

Т. А. ПРОХОРОВА

КАРЛ КОХ О ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОЛУОСТРОВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Осенью 1844 г. с кавказского берега Черного моря в Крым прибыл немецкий ботаник Карл-Генрих Эмиль Кох¹ (рис. 1). Прощаться с Кавказом было нелегко: этим землям исследователь посвятил пять лет своей жизни, которые прошли в научных исканиях и тяжелом кропотливом труде [2, s. 1; 3, p. 1–2]. В Йену он вернется в конце октября 1844 г. после полуторагодового путешествия, за время которого пилигрим объездил Понтийское плоскогорье, окрестности Ардагана и Эрзерума и район в бассейне р. Евфрат. Вернувшись домой, К. Кох приведет в порядок привезенную коллекцию растений, активно займется научной деятельностью, по итогам путешествия напишет трехтомное сочинение «Скитания на Востоке в 1843 и 1844 гг.» [4; 5, с. 83], в 1847 г. переедет в Берлин, опубликует результаты своих исследований, станет ученым с мировым именем [6]. А пока на его пути лежала Таврика. Предыдущая поездка по Кавказу в 1836–1838 гг. закончилась для естествоиспытателя внезапно из-за болезни, настигшей его у подножия горы Арарат. Так и не совершив восхождение на вершину, вояжер вернулся в Германию. Второе путешествие оказалось более плодотворным, Кох добрался до Крыма – по словам автора, главной цели его путешествия, «земли обетованной русских» [2, s. 1; 3, p. 1]. Здесь ученый планировал ознакомиться с местным овощеводством и виноградарством, но как человек образованный и интересующийся увлекся древней историей. Опыт пребывания автора в Крыму и результаты исследования местной флоры легли в основу «Путевых воспоминаний из дневника профессора доктора Карла Коха», опубликованных в 1854 г. в Лейпциге на немецком языке [2; 7] и вскоре переведенных на английский Дж. Хорнером [3].

¹ Карл Кох (Karl-Heinrich Emil Koch) (1809–1879) – доктор философии, профессор ботаники, создатель одного из крупнейших дендрариев мира в Берлинском ботаническом саду, исследователь, путешественник; в ходе двух поездок по Кавказу и Южной России собрал и описал порядка 2500 видов растений. Именем Карла Коха названа ива, произрастающая в Амурской области – *Salix kochiana* Trautv. [1, с. 323–324].

Произведение с описанием путешествия К. Г. Коха в Крым было не единственным в своем роде. Историки не только знают, но и активно используют в своих работах десятки фундаментальных работ о Крыме, написанных путешественниками: это труды В. Ф. Зуева, П. И. Сумарокова, Г. Кастельно, П. С. Палласа, Э. Д. Кларка, Р. Лайелла, И. М. Муравьева-Апостола, Н. Н. Мурзакевича, Ф. Дюбуа де Монпере, А. Н. Демидова и др. Их сочинения сыграли огромную роль в деле реконструкции истории Крымского полуострова, что неоднократно отмечали отечественные историки и краеведы. Вкладу путешественников в развитие исторической мысли в Крыму посвящены целые разделы практически всех специальных работ, касающихся вопросов античной и средневековой истории Крыма, археологии, этнографии, истории изучения Таврики и проблем охраны памятников. Так, К. Э. Гриневич отметил важность сведений путешественников о состоянии Херсонеса до раскопок [8, с. 9], в дальнейшем он неоднократно обращался к свидетельствам П. И. Сумарокова, Ф. Дюбуа де Монпере, П. С. Палласа при реконструкции облика памятников в прошлом (к примеру, ссылается на П. И. Сумарокова при определении расположения городских ворот Херсонеса между VII и VIII башнями [9, с. 85]). Сведениями из путевых дневников и воспоминаний вояжеров пользовался «патриарх крымоведения» А. Л. Бертье-Делагард: расследуя вопрос касательно «старого» и «нового» Херсонеса [10, с. 202; 11], составляя описания «крестообразного храма, крещальни, крепостной ограды», ученый цитировал К. И. Габлица, П. С. Палласа, П. И. Сумарокова, Э. Д. Кларка, Ф. Дюбуа де Монпере и др. [10, с. 44, 47, 134; 12]; кроме того, в качестве исторических источников сочинения путешественников использованы им при изучении «пещерных городов» Крыма и при описании древностей Гераклейского полуострова [13]. А. И. Маркевич, исследуя вопрос об островке в Казачьей бухте, привлек описания П. С. Палласа и И. М. Муравьева-Апостола [14]. Историкографические обзоры в трудах исследователей, где отображены этапы изучения памятников древней истории Крыма, неизменно начинаются с исследовательско-описательной деятельности путешественников. Так, работы вояжеров учтены и проанализированы в трудах С. Ф. Стржелецкого [15], А. Н. Щеглова [16], В. Ф. Гайдукевича [17], В.Н. Боровковой [18], А. Г. Герцена [19], В. М. Зубаря [20], Т. Г. Гордеевой [21], М. Б. Кизилова [22], И. В. Тункиной [23], А. В. Шаманаева [24], А. А. Формозова [25]. Примеров таких исследований можно привести гораздо больше. Огромное значение в деле систематизации и осмысления творческого наследия путешественников по Крыму, а также определения их роли в культурной, экономической и общественной жизни края сыграли ежегодные конференции «Пилигримы Крыма: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме». В ходе работы конференций было сделано множество докладов, написаны сотни статей, которые представляют значительный интерес при изучении феномена путешествий [26–30].

Ученые обращались к наиболее обстоятельным и полным трудам вояжеров. Вместе с тем в тени оставались те авторы, которые, проезжая Крым, не уделили

ему должного внимания, ограничившись краткими эссе или скупыми замечаниями о природе и населении. Перед исследователями открывается огромное поле деятельности – восстановить в наиболее полном объеме список путешественников, побывавших в Крыму в первой половине XIX в. Эти малоизученные тексты еще нуждаются в профессиональном переводе, изучении, комментариях. В нашем случае предпринята скромная попытка показать огромный потенциал этого вида источников на примере записок немецкого ученого, выявить спектр памятников античной и средневековой истории Юго-Западного Крыма на страницах его сочинения. Предыдущий опыт подобной работы (скажем, анализ Г. С. Каушлиевым отечественной путевой литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.) ограничился обычным поиском упоминаний путешественниками античных памятников Тавриды [31]. Перед нами иная цель – определить место К. Коха среди путешественников первой половины XIX в., изучить текст его сочинения, определить цель и обстоятельства путешествия, выявить посещенные и описанные К. Кохом памятники Юго-Западного Крыма периода античности и средневековья, провести внутреннюю критику истинности и полноты передачи им фактов, сравнить с записками других авторов и найти взаимовлияния, установить, какую связь имеют воззрения автора с концепциями современных ученых.

Работ, посвященных жизни и деятельности немецкого ученого, в отечественной историографии нет; тех, в которых он упоминается, немного. Краткая биографическая справка о Карле Кохе содержится в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [32, с. 458]. Из нее мы узнаем, что К. Кох поначалу постигал медицину, но, увлекшись ботаникой, посвятил себя изучению растений, стал приват-доцентом ботаники, совершил два путешествия в Южную Россию и на Кавказ, написал ряд фундаментальных работ и статей [33–36], собрал богатейшие коллекции образцов изученных растений и снискал себе славу известного дендролога, крупнейшего в Европе в первой половине XIX в. Определенный интерес представляет сочинение Терезы Кох (Therese Koch), посвященное супругу Карлу [37], которое, к сожалению, не переведено на русский язык; весьма информативна и обстоятельная статья о немецком ботанике во Всеобщей немецкой биографии (Allgemeine Deutsche Biographie) [38, s. 395–398], а также исследование К. А. Виммера, реконструировавшего основные вехи биографии вояжера [6].

До того как стать известным немецким ботаником-дендрологом, Карл Генрих Эмиль Кох учился в Веймарской гимназии; уже в школьные годы начал коллекционировать растения, несмотря на то, что его отец старался подавить подобные наклонности мальчика. В 1829–1831 гг. К. Кох изучал медицину в Йенском университете, но, искушенный славой И. Г. Шёнлейна² (1793–1864), решил продолжить обучение в университете в Вюрцбурге. В 1833 г. К. Кох стал доктором медицины, в 1834 г. – доктором философии; летом того же года он прочел

² Знаменитый немецкий врач, преподавал в университете Вюрцбурга в 1820–1833 гг.

свои первые лекции по ботанике в Йенском университете в качестве приват-доцента. Уже в это время он планирует совершить научную поездку в Понтийские горы, на которую его вдохновляли коллеги-ученые и русская великая княгиня Мария Павловна.

В ходе первой экспедиции 1836–1838 гг. К. Кох объехал почти весь Кавказ, северную часть Армении, Персидское плоскогорье и Арарат. Воодушевленный полученными результатами, немецкий исследователь собрался в очередную поездку за уникальным материалом. В 1843 г. началась его вторая поездка в поисках новых растений, во время которой он посетил Понтийское плоскогорье и побывал в Крыму. С 1847 г. до своей смерти в 1879 г. он находился в Берлине, посвятив себя написанию трудов.

Наследие ученого в области ботаники широко использовалось отечественными деятелями науки [39; 40, с. 686; 41, с. 24; 42, с. xvi; 43, с. 144]. Некоторые его статьи были переведены на русский язык [см., например: 44; 45]. Сочинения о впечатлениях автора, полученных в ходе поездок, также не остались незамеченными. Отдельные отрывки из его записок были переведены кавказскими исследователями применительно к истории своего края [46; 47; 48, с. 15; 49, с. 73; 50, с. 64, 77, 131; 51, с. 80–107]. В крымоведении научные наработки немецкого путешественника до сих пор не использовались, нет полного перевода его произведения на русский язык. Обращение исследователей к изучению травелогов (от англ. travel – путешествовать), как особого явления в путевой литературе о Крыме, коснулось преимущественно английских и французских путешественников [52–59]; что касается исчерпывающего исследования вояжей немецких авторов – такового пока нет. Это одна из причин, почему Карл Кох до сих пор остается малоизвестным для историков автором. В исследованиях, посвященных истории изучения Крыма после его включения в состав Российской империи, о Кохе упоминается вскользь [60, с. 66; 61, с. 167; 62]. Опыт применения записок К. Коха отечественными исследователями скромнен и касается лишь отдельных вопросов – истории садоводства в Крыму [63], о следах германской культуры на полуострове [64] и др. Для комплексного анализа работы ученого особенно важным представляется перевод всех частей его сочинения.

Несмотря на скудную историографическую ретроспективу вояжа К. Коха, интерес ученых к путешествиям в целом, как особому виду познавательной активности и виду литературного творчества, огромен. Зарождение научного интереса к путевой литературе в России относится к концу XVIII в. с появлением «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» английского писателя Лоренса Стерна³ (1713–1768) и «Писем русского путешественника» Н. М. Ка-

³ Перерождение жанра путешествий в сочинении Л. Стерна было связано с тем, что автора интересовало то, как воспринимал, а не что видел путешественник в ходе странствий. Сочинение, по выражению Л. Сидорченко, превращается в «психологический

рамзина (1766–1826), за коим закрепилось почетное звание создателя собственно литературных «путешествий» [67; 68; 69]. В 30-е гг. XIX в. в литературной среде сложилось четкое понимание того, что путевые сочинения можно создавать на основе лично полученных впечатлений в ходе проделанного вояжа либо путем художественного вымысла. В подтверждение тому в журнале «Библиотека для чтения» вышел перевод статьи из британского журнала «Metropolitan» под названием «Как пишутся путешествия?», где описан комедийный диалог между двумя литераторами: г-н Бернстембл учит г-на Ансарда, как написать путешествие без опыта странствий⁴ [71].

Изучение крымских травелогов получает развитие вскоре после того, как первые вояжи в Таврику были совершены. Особое внимание историки уделяли путешествию императрицы Екатерины II Великой, экспедициям, командированным от Академии наук (И. А. Гильденштедта, В. Ф. Зуева, Ф. А. Черного, П. С. Палласа и др.), а также частным поездкам, в том числе М. Гатри, Э. Д. Кларка, П. И. Сумарокова, поскольку они заложили основу популяризации Крыма как уникального во всех отношениях региона. Среди исследователей записок путешественников, посетивших Крым в конце XVIII – первой половине XIX вв., на сочинение К. Коха одним из первых обратил внимание Г. Н. Геннади [72, с. 630]. В составленный им «Список сочинений о Крыме» (раздел «Книги на иностранных языках») автор внес труды путешественников М. Гатри, В. Броневского, Э. Д. Кларка, Э. Кравен, А. Н. Демидова, а также три издания сочинения «Крым и Одесса» К. Коха (два на немецком языке и одно в переводе на английский). К сожалению, неизвестным оно осталось для исследователя классических древностей П. М. Леонтьева, который обобщил опыт многих путешественников, включая М. Гатри, Э. Кларка, П. С. Палласа, И. М. Муравьева-Апостола [73].

На рубеже XVIII–XIX вв. наметился определенный прогресс – были систематизированы работы отечественных и зарубежных вояжеров конца XVIII – середины XIX вв. В то время, как А. Л. Бертье-Делагард занимался разысканием произведений путевой литературы с целью создания обобщающей историографии об А. С. Пушкине [74], а археолог и востоковед Н. И. Веселовский изучал историко-географическое освоение Прикаспия [75–78], А. И. Маркевич составил детальный библиографический справочник «TAURICA», который и по сей

опыт»; герой, которому поставлено в условие быть наблюдателем всего, что встречается ему на пути, не справляется с задачей из-за эмоций и сложности характера, поэтому он превращается в участника событий [65; 66].

⁴ Повествование путешествия могло строиться на основе действительных или мнимых поездок. Вплоть до середины XIX в. путешествие наряду с хроникой считалось одной из форм изложения научной мысли, главным образом географических и исторических сведений. Так, реальные путешествия легли в основу «Анабазиса» Ксенофонта, «Хождения Даниила Паломника», «Хождения за три моря Афанасия Никитина». Этим материалом определяется в значительной мере стиль произведений [70].

день остается одним из наиболее авторитетных указателей литературы о Крыме [79], в данный указатель попали и сочинения из рассматриваемого нами наследия К. Коха [80, с. 147].

Советский период ознаменовался общим упадком интереса к путевым запискам, что сочеталось с переизданиями некоторых авторов (Ш. Ж. Ромм и П.С. Паллас), после чего выработалось отношение к трудам путешественников как к типу источника, который может служить базой для другого исследования, но не самостоятельным жанром. В довоенный период в СССР актуальными были научные студии, связанные с изучением роли Академии наук в освоении огромного пространства Российской империи. Особого внимания заслуживают исследования Л. С. Берга [81–83], Г. А. Князева [84], Т. И. Райнова [85], А. Н. Шебунина [86]. В послевоенный период история путешествий изучалась довольно активно, появляются работы О. А. Александровской [87; 88], А. И. Андреева [89], В. Ф. Гнучевой [90; 91], Е. С. Кулябко [92], Д. М. Лебедева [93–96], В. Б. Муравьева [97; 98], И. А. Окрокверцховой [99], И. И. Пузанова [100], Н. Н. Степанова [101]; в 60–80 гг. XX в. – Н. Г. Фрадкина [102; 103], В. И. Грекова [104]; вопросам источниковедения и определению места записок путешественников в современной классификации исторических источников посвящены труды Н. П. Ковальского, Ю. А. Мыщыка [105], И. В. Войцеховской, С. Ф. Павленко, В.И. Воронова [106; 107].

Современная историография путешествий по Крыму насчитывает далеко не один десяток публикаций; на общем фоне выделяются обобщающие и специальные работы профессора А. А. Непомнящего [108–114], составившего список путешественников по Крыму конца XVIII – начала XX вв. Не менее важными являются наработки А. В. Мальгина, который представил общую картину поездок в Крым [60]. Отдельные исследования проводятся в отношении определенной группы путешественников: английских (труды Е. Н. Деремедведь [52–55], Н. И. Храпунова [56; 57], Н. Н. Колесниковой [58], Д. Колупаева [59]); польских (С. В. Громенко [115–118]); французских [119]; опубликованы русские переводы английских путешествий (А. Д. Тимиргазина и О. Н. Герардини [120; 121], О. Корчевой [122]); Г. С. Каушлиев составил библиографический указатель «Путешественники в исследовании Крыма (конец XVIII – первая половина XIX в.)» [123–125].

Для историков интерес к путешествиям подкрепляется особым статусом данной группы произведений. В предисловии, написанном К. Кохом в Берлине в 1854 г., обозначена основная цель, которую преследовал при написании сочинения автор, – дать читателю «простое описание этого интересного региона» и, «следуя примеру предшественников, правдиво воспроизвести все», что ученый «видел и наблюдал своими глазами» [2, s. vi; 3, p. vii]. Заявленная Кохом характеристика сочинения подтверждает его статус исторического источника. Изучение труда немецкого ученого именно с этих позиций – как исторического источника по его

основным атрибутивным признакам – представляет наибольший интерес⁵. Работа с данной категорией нарративов в рамках источниковедения оформилась в середине XIX в. До этого долгое время преобладал формально-содержательный подход в изучении путевой литературы. Путешествие как вид литературного творчества (в отличие от другой дефиниции этого многозначного термина – вид передвижения в пространстве с течением времени) вплоть до середины XIX в. понималось как форма изложения научной литературы (в частности, этнографических и географических сведений) [126, с. 59]. Осознав важность отдельных сочинений о путешествиях для исторических реконструкций (о чем в свое время писали В. О. Ключевский [127], С. Н. Шубинский [128], С. М. Середонин [129], А. С. Лаппо-Данилевский [130]), исследователи использовали записки иностранцев и путешественников «утилитарно»⁶. Так, С. А. Никитин отмечал, что к числу описаний путешествий, как виду исторического источника, следует относить «только те, какие являются фиксацией наблюдений и знакомства с населением, областью и т. д. в результате личных впечатлений автора во время его путешествия по описываемым местам». При этом историк должен сосредоточить свое внимание на фактическом материале, «который он находит для изучения того или иного вопроса у наблюдателя» [132]. Современные историки пытаются преодолеть такой «потребительский» подход; источник исследуется как самостоятельный феномен во всей его сложности и многосоставности. Значительно преуспели в этом направлении современные отечественные историки: Я. Р. Дашкевич заложил научный базис отдельного направления – «украинской Бопланиады» на основе анализа сочинения Г. Л. де Боплана [133; 134], В. А. Пирко и Н. О. Никифоренко всесторонне проанализировали путешествие И. А. Гильденштедта [135–139] в Южную Украину; о необходимости использования широкого спектра «историографических приемов» писали А. В. Гедьо и А. С. Шажко [140].

⁵ Путевая литература представляет собой особый вид нарративов – это рассказ об определенной местности, событиях и явлениях через призму мировосприятия другого человека – автора-вожера. Любое путевое сочинение, независимо от цели поездки, наполнено разнообразными сведениями, заинтересовавшими автора: описаниями природы (почв, геологии, климата, флоры и фауны), населения (его состава, обычаев и нравов), сельского хозяйства, ремесла и торговли, историческими очерками. Путешественники были очевидцами всего происходящего, поэтому их сочинения являются носителями информации и должны использоваться историками для отображения основных фактов человеческой жизни, имеющих глубинный смысл для общемировых процессов.

⁶ О. М. Медушевская выделила два методологических направления в изучении письменных источников. Первое, и наиболее часто практикуемое, оставалось в рамках подготовительной критики (определение подлинности, места и времени создания текста), критики происхождения (установление авторства) и «негативной внутренней критики». Источник был не более чем средством получения фактов [131, с. 67–87].

Современная методология работы с текстами путешествий значительно обогатилась новыми подходами к изучению литературы путешествий. Созданные в ходе поездок, миссий, экспедиций, странствий, официальных визитов сочинения могут быть облачены в определенную форму, что определяет их жанровое своеобразие и делает методику изучения подобных источников специфической⁷. В каждом отдельном случае изучение исторического источника требует особого подхода – от этого зависит то, насколько сочинение проанализировано на предмет исторической составляющей, будь то источники личного происхождения (дневники, мемуары, воспоминания, письма, заметки, размышления), официальные отчеты (дипломатические, миссионерские, торговые), научный труд либо серия очерков, пассажей, статей и проч. В случае с сочинением К. Коха, судя по названию, мы имеем дело с воспоминаниями, которые автор облек в повествовательную форму в виде путевого дневника. Однако это не классический путевой дневник в его привычном понимании: впечатления от путешествия, зафиксированные в ходе самой поездки, были переработаны автором по возвращении в Германию. Несмотря на то, что соблюдена главная формальная особенность – сочинение Коха разбито на части в порядке последовательности происходящих событий по ходу путешествия, оно в большей мере основано на ретроспективных размышлениях [177]; и хотя автор этого не оговаривает, в сочинении могли быть пропуски, что вполне естественно в силу того, что описывалось путешествие десятилетней давности.

Актуальность изучения сочинения К. Кох обусловлена еще и тем, что автор решает важные в рамках современных идейных движений вопросы имагологии⁸.

⁷ Исследовательский интерес к сочинениям-путешествиям не ослабевает, за последнее время значительно увеличился «круг привлекаемого историко-литературного материала», равно как и пути его анализа [141]. Помимо изучения проблем терминологии, генезиса и эволюции жанра (В. М. Гуминский [142–144], Н. И. Глушанина [145], О.А. Дыдыкина [146–148], В. А. Михайлов [67], Е. Г. Проценко [149–151], М.Г. Шадрина [68], О. В. Юркина [152]), изучались генетические основы жанра (С. Н. Травников [153–157], Ю. М. Лотман [158–162], В. В. Данилов [163], Д. С. Лихачев [164], А.А. Решетова [165]), влияние западных образцов «путешествий» на формирование отечественных (Андреас Шенле [166; 167; 168], К. Н. Атарова [169], Е. П. Гречаная [170], Н. В. Иванова [171]). Среди современных украинских деятелей науки исследованию эволюции жанра «путешествий» в иностранной литературе посвящены работы В. Мотрука [172], А. М. Каратеевой [173], С. С. Черноус [174–176], Е. Н. Деремедведь [53].

⁸ С присоединением Крыма к Российской империи в 1783 г. начинается особый период в его истории – Крым перешел в управление иног по всем параметрам государства, отличного от Османской империи. С этого времени берут начало процессы, неведомые крымской земле ранее. Обустройство территорий, строительство новых городов различного назначения, вовлечение Крыма в экономическую и политическую жизнь одного из сильнейших государств того времени – и это далеко не весь перечень изменений. Ко всему вышеназванному следует добавить, что Крым в означенный период времени

Гостеприимство, с коим Коха встречали на Кавказе, стало началом опровержения тех предубеждений, которые сложились насчет этих земель и с которыми он столкнулся в столице России. Думая, что он едет в страну разбоя, грабежей и кровавой вражды, путешественник был встречен приветливо, в каждом доме он слышал от безотказного хозяина: «Здесь вы господин, я и мои сыновья к вашим услугам» [2, s. 2; 3, p. 1–2]. Только на Кавказе, как считает Кох, хозяин может устроить в честь гостя из Европы (Фиренгистана) настоящий пир и забить несколько поросят; был и другой случай: увидев, что Карл Кох пытается сорвать несколько плодов с дерева, которое росло над обрывом, хозяин срубил его и принес гостю со словами: «Господин, теперь ты без угрозы для жизни можешь взять то, что твое сердце желает» [2, s. 2; 3, p. 2]. Окрыленный столь сильной разницей между предполагаемым и реальным, немецкий профессор спешил попасть в Крым, чтобы и там развенчать сложившиеся мифы.

Главное заблуждение, которое господствовало относительно крымских земель, по мнению К. Коха, заключалось в сказочном богатстве этой области, о которой грезили в Санкт-Петербурге. Иллюзия достатка и благоустроенности, созданная правительством Г. А. Потемкина для путешествующей императрицы Екатерины II Великой, закрепилась в столичном сознании. Ознакомившись с трудами Ф. Дюбуа де Монпере и А. Н. Демидова накануне поездки, К. Кох пришел к выводу, что реальность намного прозаичнее. Селения, нанесенные на российские карты, не повторялись в трудах его предшественников, и теперь вояжер мог лично убедиться в этом.

Записки К. Коха имеют мифопоэтическую природу, то есть восприятие и ос-

являлся тем местом, где наиболее ярко проявились коммуникационные процессы, способствовавшие формированию представлений одной культуры о другой. За минувшие два столетия, когда история России и Крыма была единой, межкультурные коммуникации приобрели большую роль. Тема и по сей день остается актуальной, принимая во внимание ускорение темпов научного и социального прогресса, формирование центров глобализации и, как результат, интенсификацию международного сотрудничества. Научного осмысления требуют межгосударственные коммуникативные закономерности, межэтнические, межнациональные и более всего – межкультурные. Феномен многонационального Крыма, неизменный на протяжении последних двух столетий, имеет столь же важное политическое значение для взаимодействия государств Причерноморского региона [52, с. 112]. Сегодня формы международной коммуникации поражают богатством и разнообразием способов и средств, в то время как двести лет назад более привычной и надежной формой была литература путешествий. Она содержала описания Крыма, что давало читателям возможность противопоставить свою культуру чужой. Иностранцы путешественники были не просто свидетелями и описателями событий, но и проводниками чужой культуры для своих соотечественников. Будучи носителями характерных черт своего времени, культурной среды, этико-эстетических норм и менталитета, они изучали быт, обычаи и традиции местных народов, держа в памяти образ своей родины, с которым сравнивали все увиденное и услышанное.

мысление российской действительности было предопределено тем образом России (и Крыма как составной части империи), который сложился в общественном сознании. Взаимовлияние национальных образов на складывание процесса международной коммуникации отмечали компаративисты М. П. Алексеев [178; 179], М. Кадо [180], [181, с. 8–9]. Исследования В. С. Елистратова [182], А. Н. Зашихина [183; 184], И. В. Карацубы [185], С. В. Чугрова [186; 187], посвященные стереотипам восприятия в процессе межкультурной коммуникации, дополняются не менее интересными изысканиями Т. В. Партаненко [188], Е. В. Катаевой-Мяникен [141], О. В. Королевой [189], Д. С. Наливайко [190; 191], В. В. Орехова; последний автор занимался тщательным изучением российско-французских отношений в связи с особой мифогенной обстановкой конца XVIII – начала XIX вв. [192–195]. В. В. Орехов проанализировал труды Ж. де Сталь, А. Кюстина, В. Гюго, Стендаля, П. Мериме, О. Бальзака, а также многочисленных французских путешественников, посетивших Россию в это время [195, с. 7]. Противоречивые процессы коммуникации в XVIII–XIX вв. России с Англией пыталась проследить Е. Н. Деремедведь [52–56].

А. П. Люсий, продолжая решать вопросы имагологии, занимался изучением «крымской» темы в русской литературе и вопросами написания и прочтения «крымского текста» [196–203]. Такой подход к изучению «путешествий» (литературных сочинений) предполагает структурно-семиотический анализ, в ходе которого группа текстов (в нашем случае – литература путешествий XVIII–XIX вв.) рассматривается как единый текст и выявляются инвариантные правила его написания [204, с. 64]. Рассмотрение групп художественных произведений, объединенных по определенному доминантному признаку, осуществлялось Ю. М. Лотманом и В. Н. Топоровым, разработавшими концепцию «петербургского текста» русской литературы [205, с. 259–399]; по аналогии Н. Е. Меднис выделил венецианский текст, В. М. Алексеев – «мусульманский текст» [206], появились также московский, парижский, итальянский, кавказский и прочие тексты, которые являют собой не просто зеркало пространства, а переход «материальной реальности в духовные ценности» [205, с. 259]. Выделение «крымского текста» стало возможным из-за «высокого текстового статуса» крымского пространства в творчестве С. С. Боброва («первопоэта» Крыма), К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина; в их сочинениях Крым обладает признаками внепространственной категории. Литература путешествий, по мнению А. П. Люсого, была литературой «до-текста»; в творчестве С. С. Боброва рождается некий «архитект» и окончательно складывается характер отображения Крыма в русской культуре, практикуемый последующими авторами [196]. Термин, используемый А. П. Люсым для теоретических схем, не остался незамеченным западноевропейскими деятелями науки; одна из попыток переосмыслить понятие «крымский текст» была предпринята Д. Буркхарт, которая на примере творчества О. Э. Мандельштама присвоила «крымскому тексту» статус глобального общелитературного явления [207; 208].

Заслуживают внимания работы Д. Г. Замятина [209–217], основоположника и основного идеолога направления имагинальной географии; исследователь доказал значимость географического пространства для российской цивилизации, причем определяющей основой российского образа служило идеологическое и геополитическое понятие «Евразия» – «а-западное» проявление инаковости [218].

В украинской историографии нашли отражение вопросы имагологии украинских земель, образ которых отличался от российского (имперского) и крымского – восточного по природе и российского по презентации. Оценкам Украины в работах путешественников посвящено исследование В. А. Кордта [219]; активно в данном направлении работали украинские историки в эмиграции: В. Сичинский (опирался на свидетельства путешественников XVIII–XIX вв., в том числе интересующих нас П. И. Сумарокова, П. С. Палласа, В. Измайлова, Э.Д. Кларка, В. Ф. Зуева) [220] и О. Винтоняк (составил биографические справки и библиографический указатель трудов 14 путешественников, в том числе и тех, что побывали в Крыму) [221]. Из числа современных исследователей следует отметить труды Д. С. Наливайко [222–224], П. П. Брыцкого [225; 226], М. Варварцева [227], Я. Р. Дашкевича, который на примере Г. Л. де Боплана показал, насколько важны записки иностранных путешественников в реконструкции страниц пришлое украинских земель и популяризации сведений о ней в Западной Европе [133; 134]. В. И. Сергейчук и другие современные исследователи отмечают, что Крым в представлении путешественников был частью России, еще одной ее колонией, наряду с украинскими землями активно осваивавшийся и заселявшийся [228].

Большой вклад в изучение западноевропейской украинистики внесли труды П. О. Бочана [229–235], которому удалось выявить новые факты в изображении истории Украины на страницах сочинений зарубежных авторов, установить их достоверность, систематизировать сведения относительно истории, быта, этнографии и обычаев украинского народа, обобщить вклад немецких и французских авторов в историографию Украины.

Образ страны формировался под влиянием трех компонентов: объективных причин (политических, экономических, социальных факторов), субъективных элементов (личных впечатлений и переживаний автора), традиционных представлений о стране [236]. Прибыв в Крым, К. Кох столкнулся с двумя разными понятиями – «образ» и «имидж»; имидж как часть образа является, по определению А. А. Громыко, «продуктом сознательных государственных усилий» (то, что вояжер слышал о Крыме в столице); образ же формируется стихийно (то, что путешественник видел в ходе поездки); часто, как и в случае с К. Кохом, они могут противоречить друг другу [237].

Несомненно, важно то, каким К. Кох видел Крым; но не менее значимым является вопрос, каким он хотел Крым описать и представить в своем сочинении.

Со слов самого автора, описание полуострова было непредвзятым, свободным от политических предубеждений, правдивым [2, s. v–vi; 3, p. vi–vii]. Такая объективная оценка Таврики была необходима европейскому читателю из-за ажиотажа, который разгорелся вокруг этого региона в связи с Восточной войной (1853–1856). Неслучайно и время появления сочинения – 1854 г., и скорый перевод на английский язык в 1855 г. (рис. 2). Переводчица Дж. Хорнер использовала накануне опубликованный (в Лейпциге в 1854 г.) текст сочинения К. Коха [2]. Структура повествования полностью была ею сохранена, но переводчица сочла необходимым максимально приблизить текст к английскому читателю, поэтому на страницах ее работы находим английские меры длины и цитаты из сочинений британских поэтов. Несмотря на то, что труд К. Коха был готов еще 10 лет назад, в новой редакторской проработке он был весьма современным, актуальным, содержал ряд ценных замечаний относительно политической ситуации в Европе в связи с Восточной войной. Несколько раз путешествие переиздавалось [7; 238]. Исследователь составил карту Кавказа и Армении на четырех листах (Берлин, 1850): первая карта – политическая, вторая – этнографическая, на третьей показан географический принцип распространения растений и на четвертой – геологические особенности [3, s. iv].

В это время появляется несколько подобных работ, принадлежащих путешественникам: Э. Гранта [239], миссис Э. Нейльсон [240]. Показательно то, что в июльском номере 1855 г. «Эдинбургского обозрения», одного из самых влиятельных британских журналов XIX в., вышла статья, посвященная древней истории Крыма – Таврического Херсонеса [241]. В основу исследования были положены сведения из работ К. Коха, Э. Гранта, а также более ранних и более полных – П. С. Палласа, Э. Д. Кларка, Ф. Дюбуа де Монпере. Благодаря их трудам европейский читатель не без удивления открыл для себя древнюю Таврику; особенно замечательным, по мнению авторов статьи, было то, что следы древних владельцев крымской земли – греков и итальянцев – сохранились до сих пор. Крым, который теперь считался местом, где решалась судьба всей Европы, оказался в центре внимания. Его окрестили «новыми Фермопилами», «злом, которое хуже, чем казаки и Константинополь» [242]. Публицисты соглашались с теологом Каммингом, что «греки называли город Севастополь, используя еврейское значение этого слова – Армагеддон» [242, p. 220]. Среди подобных настроений любая информация о Таврике была востребована, особенно написанная человеком, видевшим полуостров изнутри.

Отдельные путешественники (Э. Кравен, Э. Спенсер), посетившие и описавшие Крым в конце XVIII – первой половине XIX вв., в ходе своих вояжей выполняли шпионские миссии. Вполне закономерным является вопрос, не преследовал ли К. Кох подобные цели? Авторы статьи в «Эдинбургском обозрении» склонны видеть в сочинении немецкого естествоиспытателя исключительно вид научного творчества, связывая появление его труда со стремлением

популяризировать знания о Крыме и показать уникальность данного региона [241, р. 88]. Вместе с тем, на страницах его сочинения появляются сведения о состоянии береговых укреплений Севастополя, о количестве защитников, оценка возможностей местности к осуществлению марш-бросков, высадки подкрепления, проведения военных маневров и сооружения укреплений. Вместо того, чтобы описать Херсонесское городище, автор рассуждает о соотношении сил воюющих сторон и состоянии севастопольской защиты [2, s. 77–81; 3, р. 118–124]. По мнению К. Коха, скорое падение Турецкой империи в условиях отсутствия могущественной династии очевидно, и в этом случае Россия будет иметь определенное преимущество перед Австрией. Решительность русских Кох усматривает в том, что «их императоры считают себя преемниками Восточной империи» и «не без оснований поместили византийского двуглавого орла на свой герб», а также в том, что Россия «пыталась оспорить претензии Латинской Церкви в отношении к Святым Местам» [2, s. 77; 3, р. 118]. Автор выражает общие настроения в Европе относительно того, что западные державы ожидали от войны: в их представлении Турция была подобна «больному человеку», который вот-вот «умрет, хотя и напрягает последние силы, чтобы сохранить жизнь». Сложность сложившейся ситуации вояжер видит в том, что «Россия может отправить войска из Севастополя в Константинополь; и однажды завладеет столицей, хоть и не без помощи греческих сторонников, ее будет не так легко отбросить» [2, s. 78; 3, р. 119]. К. Кох писал свое сочинение в 1854 г. (подписался под предисловием 18 октября). Очевидно, что работа писалась до начала военной кампании на Черном море: автор утверждает, что операции проводятся пока только на Балтике (апрель-октябрь 1854 г.) [243]. Он советовал высадить англо-французский десант либо в Балаклаве, либо в устье р. Бельбек, либо вблизи Евпатории [2, s. 80; 3, р. 121–122; см.: 244]. Автор напоминает, что у России серьезный военный склад в Вознесенске – «великая военная колония с гарнизоном в 160–180 000 мужчин, которые воевали против оппозиционных горных племен»; из них 60–80 000 человек «могут без ущерба для русской провинции отправиться либо на север, либо перейти Кавказский хребет и быстро подступить к Поти или Сухум-Кале, либо могут быть использованы в одновременных операциях в Армении и Малой Азии» [2, s. 79; 3, р. 122].

Каковы же выгоды? В представлении К. Коха, «разрушение Севастополя и уничтожение русского флота на Черном море обезопасят положение на определенное время», но «постоянная оккупация будет стоить западным державам огромных жертв», да и в этом нет нужды – «Севастополь никогда не станет Гибралтаром». Не больше преимуществ принесет завоевание всего Крыма, поскольку «близость столь могущественного врага требует особых защитных мер, которые нужно поддерживать, поскольку единственной целью последнего было бы вернуть себе владения на полуострове» [2, s. 80; 3, р. 123]. В заключение Кох выражает надежду, что «время научит результатами настоящей битвы»,

и уверенность, что «западные державы не будут пытаться атаковать до тех пор, пока не будут уверены, что их объект достоин этого». Как показывают последующие события, западные державы признали преимущество захвата Крыма перед возможными лишениями, что в итоге вылилось в трехлетнее кровавое побоище, известное как Крымская война.

К. Кох выгодно выделяется из числа крымских путешественников середины XIX в.: несмотря на то, что критики считали его работу несколько поверхностной по сравнению с трудами П. Палласа и Э. Кларка, научный интерес, который двигал немецким ботаником, и беспристрастность придают сочинению особенную ценность. В 1840–1850 гг. в русской литературе начинается период, именуемый исследователями «золотым веком путешествий» [214], «жанр путешествий» в это время процветал, о чем писал критик и историк русской литературы А. М. Сабичевский [245]. Ситуация заметно поменялась, по сравнению с 30-ми гг. XIX в.: еще тогда И. Е. Андреевский сетовал, что в России нет достойного описания путешествий, в том числе и по Тавриде, поэтому «русская публика, желая познакомиться с этим знаменитым полуостровом, должна прибегать к сочинениям иностранцев» [246, с. 173–174]. По справедливому замечанию К. Бестужева-Рюмина, «сообщения иностранцев не без основания считаются важным материалом для понимания истории Крыма, поскольку иностранца по большей части поражает то, что остается неприметным для местного жителя» [247, с. 10–11].

К. Кох был одним из числа таких иностранных вояжеров, однако далеко не первым⁹. Ко времени путешествия К. Коха в Крым местные и столичные

⁹ Древние греки уже в I тыс. до н.э. работали с крымским материалом и оставили нам первые «краеведческие» сведения. Благодаря им появились знаменитая «Гераклиада», мифы об Ахилле [248, с. 13]. Первое научное упоминание о Северном Причерноморье с описаниями Крыма появилось в VI в. до н.э. (карта мира милетского философа Анаксимандра), позже появляются дорожные наблюдения – периплы и периегезы. Дальнейшее развитие «крымоведческая» наука получила в трудах античных писателей (Геродота V в. до н. э., Страбона II в., Гая Плиния Секунда I в., Гая Кроста Саллюстия, Птоломея, Арриана V в. до н. э.), византийских авторов (Иоанна Златоуста, Прокопия и др.). В средние века арабские географы Эдриси («Географические развлечения», 1154 г.), Абульфеда и Ибн-Батута (XIV в.) собирали сведения о Крымском полуострове в ходе многолетних исследований и значительно дополнили познания древних ученых новейшими сведениями. В XIII в. на восточном побережье Крыма появились итальянцы – венецианцы и генуэзцы, полуостров стал привлекать внимание многих европейских торговцев, дипломатов и путешественников.

Нередкими гостями в Крыму были и московские посланники, но все же «первым русским «неофициальным» путешественником, посетившим Крым в 1699 г. во время Керченского похода, был Петр I» [249, с. 62]. С тех пор ученые путешествия стали устойчивой традицией, а вскоре появилась и организация, ставшая их абсолютной покровительницей – Академия наук в Петербурге. «Практическое освоение» новых регионов – такую конкретную цель преследовала Санкт-Петербургская Академия наук в начале XIX в.

исследователи достигли значительных успехов в деле освоения полуострова: к 1802 г. завершился начальный этап знакомства с древностями Северного Причерноморья, появляются сочинения западноевропейских ученых «по древней истории Скифии и Сарматии» – Ж.-Б. д'Анвиля, И. Э. Тунмана, О. де Ла Мотре, Ш. Пейсоннеля, Н. Э. Клемана [251, с. 38–39]. К моменту путешествия К. Коха в 1844 г. Юго-Западный Крым был изучен слабо. Оформление крымской археологии как науки уже состоялось (исследователи единогласно связывают это событие с раскопками в 1830 г. знаменитого кургана Куль-Оба в Керчи), но внимание ученого мира было приковано к Восточному Крыму, в то время как в Юго-Западном Крыму систематических раскопок не проводилось вплоть до 1889 г.

Учитывая многообразие исследовательских программ, реализуемых путешественниками в Крыму, можно выделить несколько основных групп путешествий:

1) естественнаучные экспедиции (В. Ф. Зуев, П. С. Паллас, С. С. Куторга, А. Н. Демидов, К. Кох, К. и А. Оммер де Гелль);

2) исторические экспедиции (И.М. Муравьев-Апостол, П.П. Свиньин, Н.Н. Мурзакевич, Ф. Дюбуа де Монпере) и описательные (историко-географические, статистические) – те произведения, которые ставили своей целью познакомить читателей с малоизученными регионами Южной России; это были своего рода путеводители, написанные как аннотации к отдельным городам и районам (Л. Б. П. фон Кампенгаузен, М. Гатри, Н. С. Всеволожский, В. В. Пасек, О. П. Шишкина);

3) образовательные (Ш. Ромм, который сопровождал П. Строганова; маршал Мармон (герцог Рагузский); В. А. Жуковский, сопровождавший цесаревича Александра); Р. Лайелл, Э. Д. Кларк);

4) этнографические (Э. Спенсер, Д. Шлэттер; все путешественники описывали крымские народы, поскольку это было частью восточной экзотики, доселе ими не виданной в таком необычном переплетении);

5) официальные и служебные визиты (Л. Рошешуар и А. Ришелье; Екатерина II и Л. де Сегюр, де Линь и А. В. Храповицкий; Э. В. Дримпельман, Ф.Ж. Депрео де Сен-Совер);

6) дипломатические и торгово-дипломатические миссии (Ф. Миранда, Ж. Рейи, фон Струве, Э. Кравен, Ж. Ф. Гамба);

7) военные экспедиции (А. Кастри де Во, У. Ф. де Рос, Ч. Г. Скотт, Дж. Джонс, Дж. Александер, Т. Элкок, У. Джесс, миссис Э. Нейльсон);

Крым с его многовековой историей манил искушенных путешественников и краеведов на поиски нового, неизведанного. Не трудно себе представить, какой ажиотаж возник вокруг новых территорий. В. Ф. Зуев (1782) [250], К. И. Габлиц (1785) [108, с. 14], П.С. Паллас (1793–1794) [60, с. 62] были пионерами изучения Крыма. Большое значение для изучения истории, географии и этнографии края имели экспедиционные исследования И. О. Потоцкого, путешествия М. Гатри (1795–1796), Ф. К. Маршала фон Биберштейна, Л. Вакселя (1797–1798) и П. И. Сумарокова (1799).

8) миссионерские и религиозно-просветительские (М. Холдернесс, Э. Гендерсон);

9) культурно-эстетические (поиск вдохновения), в данном случае произведение является неким итогом, порождающим в странниках желание творить, и наоборот – это способ реализации творческого потенциала: прибывая в Крым, писатели открывали для себя новые темы и формы написания произведений (так называемая сентиментальная литература, яркие представители которой – В. В. Измайлов, П. И. Сумароков);

10) частные визиты (каждый вояжер имел отдельную цель, к примеру, оздоровительную – Ч.Б. Эллиот, У. Джесс, Г. Гераков).

В предисловии к своему труду, написанном в Берлине 16 октября 1854 г., К. Кох указывает на цели и предпосылки путешествия. Поскольку, пишет автор, «нет ни одной столь же непостижимой и загадочной страны в Европе как Крым» [2, s. v; 3, p. v], путешественник ставит перед собой весьма благородную задачу: дать четкое представление о природных возможностях и условиях Крыма и составить правдивое представление о полуострове. Обязательной частью такого «правдивого представления» должен был стать полноценный анализ тех памятников древности, которые составляют часть крымской истории и которые сохранились ко времени путешествия автора.

Маршрут, по которому двигался К. Кох, проходил через Керчь, Феодосию, Карасубазар (Белогорск), Симферополь, Бахчисарай, Юго-Западный Крым (Севастополь, Инкерман, Балаклава), ЮБК (Алупка, Магарац, Никиту, Симеиз, Ливадию, Массандру, Гурзуф), а затем – через Симферополь в Перекоп и Одессу, откуда путешественник отправился в Йену.

Юго-Западный Крым, где располагался легендарный Херсонес с его более чем двухтысячелетней историей, заслуживает особого внимания. Знакомство с этой древней землей началось для путешественника с посещения Севастополя [2, s. 62; 3, p. 95]. В ходе экскурсии по юго-западной оконечности Крымского полуострова К. Кох затрагивает три важных вопроса из истории региона, которые не утратили своей актуальности и по сей день остаются предметом острой научной дискуссии. Речь идет о проблеме датировки первого поселения на Гераклеяском полуострове (основание Херсонеса), о характере и назначении пещерных комплексов в Инкермане, а также о возможном месте расположения храма богини Девы. Рассмотрим эволюцию взглядов на данные проблемы путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв.

Как и его знаменитый предшественник П. С. Паллас, К. Кох начинает повествование с описания местности полуострова – земли, «интересной во всех отношениях» [2, s. 62; 3, p. 95; ср.: 252, с. 40]. Перед тем, как попасть в Херсонес, вояжер «обозрел знаменитые пещеры Инкермана», «в которых, вероятно, жили монахи в прежние времена» [2, s. 75; 3, p. 115]. Ему удалось осмотреть комплексы на левой стороне реки Черная, а правый берег, где располагались более инте-

ресные пещеры и крепость, был им проигнорирован: «Я был мало удовлетворен тем, что увидел в пещерах на этой стороне долины, у меня не было желания пересечь ее, чтобы осмотреть те, что были на противоположной стороне, особенно когда солнце опустилось столь низко, что нужно уже было возвращаться. Они известны под названием Пещеры Инкермана (Krypten von Inkjermann), бывшая крепость расположена на вершине и уже была описана несколькими путешественниками» [2, s. 76; 3, p. 116].

Версий о назначении пещер в Инкермане существовало несколько¹⁰. Их можно объединить в две большие группы: прагматические и религиозно-практические. Идеи, высказанные путешественниками, имеют одну схожую черту – в пещерах они видели средства защиты населения от внешних факторов, будь то непогода или враждебное окружение. Прагматические цели в созда-

¹⁰ Изучением природы и устройства «пещерных городов» занималось не одно поколение ученых. Научная разработка вопроса была заложена И. Тунманном, продолжена в трудах путешественников, затем подхвачена П.И. Кеппенем, И.С. Андреевским, Д.М. Струковым, Г.А. Карауловым. Со второй половины XIX в. А.С. Уваровым, Ф.А. Брауном, Р.Х. Лепером, К.С. Мережковским, А.Л. Бертье-Делагардом проводится археологическое изучение памятников. Исследователи отмечали, что путешественники не были оригинальны в своих соображениях относительно датировки памятников Инкермана: некоторые называли «глубокую древность», некоторые, подобно современным исследователям, оценивали время появления церквей от VIII–IX до XIV–XV вв. Для историков несомненен тот факт, что отдельные церкви и кельи Инкермана являются наиболее древними среди остальных подобных сооружений [253, с. 97].

Идея о том, что возникновение «пещерных монастырей» в Крыму связано с уничтожением монастырских владений в Византийской империи в период социального кризиса VIII – первой половины IX вв., была высказана Ю. А. Кулаковским и нашла поддержку у большинства историков. Движение, получившее название «иконоборчество», было направлено не на борьбу с иконами, а на сокращение монастырей, сосредоточивших в своих руках земли и лишивших тем самым государство прибыли [254, с. 32]. Это привело к сильнейшей «монашеской эмиграции» в Южную Италию, юг Малой Азии, Сирию, Палестину, а также «северные склоны Эвксинского Понта», где возникли «пещерные монастыри». Первыми подобными комплексами в Крыму стали Чилтер, Шулдан, Инкерман, Тепе-Кермен; они относятся к периоду не позднее VIII в. Сооружения строились в несколько ярусов и были приспособлены под бытовые и религиозные нужды монахов. Жилые, хозяйственные, культовые помещения сообщались внутренними лестницами, проходами, имели множество ответвлений и окон. Существовали как надземные, так и дополняющие их подземные постройки. Н. Л. Эрнст, А. А. Васильев, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон считали, что укрепления в «пещерных городах» создавались при участии Византии. Большинство современных исследователей поддерживают эту точку зрения (А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев, С. Б. Сорочан) [254–257]. Путешественники видели преимущественно скальные церкви, к тому времени сильно разрушенные.

нии искусственных камер преследовали, по мнению В. В. Пассека, древнейшие местные жители «доисторических» времен – так они защищались от непогоды, диких зверей и врагов [258, с. 159]. С созвучными версиями выступали на страницах своих сочинений Ш. Ж. Ромм (полагал, что сооружения могли быть построены греческими мореплавателями, которые строили жилье на скале и под ней в условиях отсутствия дерева [259, с. 115–116]), В. Броневский (полагал, что порох и огнестрельные снаряды, хранившиеся в камерах, а также устроенный на правой стороне речки селитряный завод унаследовали свое предназначение с давних времен [260, с. 18]), Ж. Ф. Гамба (по его мнению, пещеры Эктенуса были частью республики Херсонес и появиться могли только благодаря усилиям его жителей, количество пещер было столь велико, что в них спокойно мог поместиться целый город, используя камеры как убежища во время войны [261, р. 34]), нет других версий и у Ч. Б. Эллиота (полагал, что пещеры, вырытые под крепостью, составляли отдельный город, который использовался местными жителями для хранения продуктов и в качестве убежища в случае необходимости [262, р. 324]).

Большая часть исследователей соглашалась с П. С. Палласом: по его мнению, секта ариан искала здесь спасение после изгнания из «греческой империи»; эти слова академика впоследствии дословно повторялись многими путешественниками (Э. Спенсером, Э. Д. Кларком, Дж. М. Джонсом). П. П. Свиньин, внимательно прочитав труд П. С. Палласа, с ученым не согласился. Аргументом для особенного мнения служила многочисленность вырытых пещер, которая откровенно указывала на то, что в них жили не просто беглецы-переселенцы, а постоянное население, причем многомиллионное, поскольку эти пещеры находят и в Крыму, и в Анатолии, и в Имеретии, и на Кавказе [263, с. 119–120].

Инкерманские христианские древности были особенно притягательны для путешественников, чья сфера интересов примыкала к истории христианства. Яркими представителями этого профиля были проповедники и миссионеры – М. Холдернесс, Р. Хебер, Э. Гендерсон. Предложенная ими реконструкция процесса формирования монастырских комплексов, однако, не сильно отличается от прочих предположений. Так, Э. Гендерсон полагал, что вырытые гроты, как и пещеры в других частях Крыма, принадлежали христианам, которые бежали от преследований «в ранние века церковности». Автор опирается на свидетельство Прокопия Кесарийского, отмечая, что создателями этих гротов являются готы-тетракситы (Tetraxitic Goths), вынужденные покинуть свои боспорские владения и перебраться в юго-западный угол полуострова [264, р. 350]. Версия миссионера не противоречит мнению об «арианском» происхождении пещер: многие ученые, в их числе Б. В. Кене, считали тетракситов, живших на западном берегу Дона вдоль Азовского моря, носителями арианского вероисповедания [265, с. 187]. В Горном Крыму они заняли обширное пространство, названное страной Дори, границы которой, как считает Гендерсон, доходили до Инкермана.

О том, что «упавшие стены древней крепости Дори» расположены в Инкермане, на правом берегу р. Черной, писал также В. Броневский [260, с. 18].

П. И. Сумароков был одним из тех, кто разделил «готскую» и «арианскую» версии происхождения пещер. Народом, который «утверждал для себя такие обиталища», он считал готов – «отродие скифов, страдающих от преследования как со стороны греков, так и других народов». Принадлежность гротов арианам автор оспаривает, как минимум, тремя аргументами: ариане не могли вырыть целые монастыри из-за близости враждебного им Херсона; в случае, если бы херсонеситы были их единоверцами, ариане укрылись бы в самом городе; но самое главное – это то, что пещеры были снабжены крепостью, а значит принадлежали воинственному народу, а не «смирненной секте» [266, с. 214–216].

Свою теорию в противовес версии П. И. Сумарокова предложил И. М. Муравьев-Апостол: ариане, спасаясь от византийских императоров, прибыли в Херсонес, где встретили единомышленников, но, не найдя места для размещения, были вынуждены построить город в соседних горах [267, с. 145–146].

Христианами, но не гонимыми, были вырыты эти пещеры, по мнению О. Шишкиной, для которой очевидно другое: «здесь во время владычества греков благочестивые отшельники изготавливали себе подземные жилища, как в Киеве, из ревности к богомыслию, чтобы ничто не развлекало их от набожных дум; поэтому вся гора представляется как древний и многолюдный замок» [268, с. 153]. Несколько похожую мысль высказал и Ж. Рейи – пещеры, по его мнению, дело рук греческих монахов (ничего о гонимых арианах он не сообщает, хотя и ссылается на П. Палласа) [269, р. 134]. Такой же короткой ремаркой ограничивается А. Н. Демидов: «здесь (в кельях – Т.П.) укрывались благочестивые отшельники» [270, с. 160].

К этой же группе авторов мы можем отнести и комментарий К. Коха, который не упоминает никаких подробностей о характере сооружений, а только намекает на их церковное происхождение.

Описания Херсонесского городища на страницах сочинения Коха мы не найдем; несомненно, исходя из его слов, вояжеру удалось побывать в этом месте [2, s. 81; 3, р. 124], но состояние руин было настолько плачевно, что он отправляет читателя к описанию древнего города у Ф. Дюбуа де Монпере и Кохля [2, s. 81; 3, р. 124]. Справедливости ради стоит отметить, что описаний как таковых у немецкого вояжера немного. В большей степени он любит рассуждать об отдельных проблемах крымской истории и памятниках. Вполне традиционно для своего времени автор говорит об основании Херсонеса: «вероятно, что еще в шестом веке до нашей эры некоторые торговцы из Гераклеи Понтийской (Pontian Heraclea) поселились в северном порту и дали название своего отцовского города новой колонии» [2, s. 64; 3, р. 98].

История Херсонеса имеет множество дискуссионных вопросов; как это ни парадоксально, причиной тому зачастую служит новый археологический материал, который на фоне активизировавшегося изучения памятника является ос-

новой для смелых заявлений относительно периодизации и узловых моментов его истории. Наиболее оживленные споры ведутся относительно даты основания Херсонеса, помимо традиционных теорий Г. Шнайдервирта – А. И. Тюменева (422–421 гг. до н.э.) и М. И. Золотарева – Ю. Г. Виноградова (528–527 гг. до н.э.), возникает множество иных предположений, авторы которых развенчивают кажущуюся справедливость утверждений своих предшественников и делают собственные выводы, весьма доказательные и имеющие право на существование. Крупнейшие исследования по истории Херсонеса начинаются с постановки данной проблемы [271, с. 5–6; 257, с. 60–61; 272, с. 28, 33; 273, с. 67; 17, с. 68]. Деятели науки обращались к различным факторам, критериям, реперам, но поставить точку в решении этой проблемы так и не удалось.

Что касается путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв., то они могли проводить исторические реконструкции, основываясь лишь на сведениях древних авторов и немногочисленных работах историков-предшественников (И. Тунманна, В. Формалеони, С. Сестренцевича-Богуша и др.). Несмотря на то, что вояжеры были ограничены возможностями литературных интерпретаций сообщений Геродота, Страбона, Птолемея и Помпония Мелы, все же и в их среде есть расхождения. Существовали очевидные сторонники «удревнения» истории города. Как считают А. Н. Демидов (1837) и Г. Д. Сеймур (1844), юго-западный берег полуострова стал осваиваться одновременно с Восточным Крымом. Именно тогда, в VII в. до н.э., переселенцами из Ираклеи (Гераклеи) и Делоса был основан Херсонес [270, с. 515; 274, р. 149]. Н. Н. Мурзакевич (1836) называет приближенную к этому времени дату – 600 г. до н.э. Подобную датировку современные деятели науки считают «совершенно несерьезной» [275, с. 245]; подтверждением тому служит отсутствие сторонников данной версии среди современных исследователей.

Абсолютное большинство путешественников, в том числе и К. Кох, называют временем основания Херсонеса VI в. до н.э. – К. И. Габлиц, Ж. Рейи, Э. Гендерсон, Ф. Дюбуа де Монпере, Ч. Б. Эллиот, В. В. Пассек, А. Оммер де Гелль, К.Г. Кох, Ч. Г. Скотт. К VI в. до н.э. относили основание Херсонеса и многие ученые – П. Беккер утверждал, что Херсонес был выведен вскоре после основания его метрополии Гераклеи, его поддержали Э. Мейер, К. Ю. Белох, М. И. Ростовцев, А. А. Бобринский [275, с. 245]. Другой весьма распространенной датой основания Херсонеса, которая встречается довольно часто на страницах сочинений вояжеров, является 500 г. до н.э. – ее в качестве времени появления древнего «Херсониса» называют П. И. Сумароков и Г. Кастельно. Выбор путешественников в пользу указанной даты для реконструкции древнейшей хронологии событий в жизни города сделан неслучайно. Именно VI в. до н.э. считается временем отсчета херсонесской истории в трудах историков, к которым вояжеры обращались за сведениями. Так, 500 г. до Р. Х. был «исчислен» И. Тунманном как год переселения ираклийцев в Крым [276, с. 245]; С. Сестренцевич-Богуш полагал,

что «гераклийцы» с «делийцами» отправились в «северные страны», где основали Херсонес, сразу после окончания войны с Дарием и за 120 лет до похода сарматов в 380 г. до н.э. Несложные арифметические подсчеты подтвердят, что автор имел ввиду также 500 г. до н.э. [277, с. 88].

Данная теория получила развитие и в новейшее время. Еще К. Э. Гриневич считал, что на берегу Карантинной бухты существовало поселение VI в. до н.э., названное им «эмпориум ионийцев» [271]. С этим совпало мнение В.Д. Блаватского и М. И. Ростовцева о процветании здесь торговой фактории и о существовании промежуточной стоянки для кораблей и одновременно «ионийской торговой станции» [278]. Г. Д. Белов, проанализировав ионийскую керамику из Херсонеса, предположил, что дорийскому Херсонесу могла предшествовать ионийская фактория [279, с. 23]. С этим выводом не согласилась А. А. Зедгенидзе; при работе с отдельными экземплярами черно- и краснофигурной аттической керамики позднеархаического времени исследовательница пришла к выводу, что они не являются достаточным свидетельством существования на данной территории постоянного поселения в столь раннее время [280, с. 26–34; 281, с. 50–56]. Напротив, А. А. Зедгенидзе попыталась на археологическом материале проиллюстрировать справедливость другой теории, Г. Шнайдервирта – А.И. Тюменева, которую к тому времени уже поддержали Г. Д. Белов, Д. П. Каллистов, Я. В. Доманский.

М. И. Золотарев и Ю. Г. Виноградов при работе с новым археологическим материалом, преимущественно остраконами, настаивали на том, что Херсонес был основан гераклеотами и делосцами в начале последней четверти VI в. до н. э., толчком к чему послужило «очищение» Делоса афинским тираном Писистратом. Основанием для утверждения исследователями об основании колонии в 528/527 гг. до н.э., помимо археологического материала, были также письменные источники. Сообщения Геродота и Фукидида о первом очищении Делоса афинским тираном Писистратом соотносятся с сообщением Аристотеля о том, что в Гераклее сразу после ее основания начались политические трения; в результате гераклейская знать в изгнании основала Каллатис, а вернувшись на родину, упразднила народовластие; теперь пострадали демократы – они были лишены некоторых прав, в том числе земельных, после чего основали Херсонес [282–284].

Сегодня у этой теории существует как множество сторонников, так и противников. Среди тех, кто выступил в защиту гипотезы, был И. Е. Суриков [285], который уточнил время активности Писистрата на Делосе серединой 40-х гг. VI в. до н. э. Среди противников А. В. Буйских называет Дж. Хайнда и С. Ю. Сапрыкина; против датировки М. И. Золотарева выступает и она сама. Главную причину того, что вопрос о времени основания полиса был и остается спорным, исследовательница видит в максимализме ученых. Принимая археологические материалы за некие максимумы, опираясь при этом на выводы предшественников

и будучи оторванными от описываемых предметов, исследователи оказываются в ситуации, когда их выводы невозможно подкрепить археологическими реалиями [286].

Карла Коха заинтересовал также вопрос, касающийся поиска мест странствований Одиссея [287]. Долгое время считалось, что Гомер, незнакомый с берегами Черного моря, описывал близкое ему и родное Средиземноморье. Филолог-эллинист А. Боннар (1888–1959) был уверен, что великий певец древности Гомер изобразил в своей поэме западный путь греческих мореплавателей за оловом (месторождения имелись в Колхиде и Этрурии, и именно западный путь «через опасный Мессинский пролив вдоль берегов Италии к оловянным рудникам Этрурии» совпадает, по его мнению, с маршрутом путешествия Одиссея) [288]. Но ряд несоответствий в географии странствий заставили исследователей пересмотреть взгляды на локализацию этих мест. Единого мнения до сих пор нет: к примеру, итальянский ученый Ф. Винчи помещает маршрут скитаний Улисса на Балтике [289], Т. Северин локализует знаменитую бухту Лестригонов в бухте Мезапос на о. Крит [290, с. 9]; но большинство исследователей убеждены, что Сцилла и Харибда, место обитания Цирцеи, область киммерийцев и страна феакийцев, столь красочно описанные Гомером, находятся на Черном и Азовском морях [291].

Карл Кох приехал в Крым, когда революция в этом вопросе была уже совершена: вышло сочинение французского путешественника Фр. Дюбуа де Монпере, которому приписывают первенство отождествления мест скитаний Улисса с Причерноморьем (хотя до него такое предположение высказал выдающийся драматург, поэт и общественный деятель В. В. Капнист (1758–1823) в статье «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях» [292]). Немецкий путешественник соглашается с выводами французского коллеги только при условии, что «Одиссея» является результатом труда нескольких авторов, живших в разное время, а значит знакомство с Причерноморьем уже могло состояться к тому времени, когда поэма оформилась литературно.

Не менее проблемным был для К. Коха вопрос о местоположении знаменитого храма Девы. Вот, что пишет о нем автор: «Один из мысов, выступающих в море в направлении Гераклеийского Херсонеса, был, без сомнения, мысом Девы (Parthenium). Там, в соответствии с греческим преданием, стоял храм Дианы, где все чужеземцы, которые были изгнаны с этого побережья, были принесены в жертву главной богине Теос (Theos). Согласно Дюбуа и другим авторам, место, где Ифигения ранее была властительницей, в настоящее время занимает монастырь св. Георгия...» [2, с. 86; 3, р. 130].

На основе записок путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв. можно выделить несколько мест, где гипотетически мог располагаться храм богини Партенос: город Херсонес; мыс Фиолент (рядом с монастырем св. Георгия) либо мыс монастыря (в точности на месте самого храма);

мыс Фанари (Маячный полуостров); мыс Виноградный (Айя-Бурун); Южный берег Крыма (местечко Партенит), гора Аю-Даг; признавалась возможность существования нескольких святилищ (Э. Д. Кларк, Ж. Рейи, Дюбуа де Монпере, Ч. Элиот, Ч. Г. Скотт, Г. Д. Сеймур, Э. Гендерсон). Ф. Дюбуа де Монпере, на которого ссылается К. Кох, выдвигает несколько предположений относительно того, где мог быть храм Девы – таврская богиня имела свой Парфенон в городе и святилище на мысу Парфений, где ей приносились жертвы. Этот мыс мог располагаться на мысе Айя (Святой мыс), Айя-Бурун (монастырь св. Георгия). Отдельные рассуждения автор приводит относительно имени божества. Девой Дюбуа де Монпере называет таврскую богиню, отправление культа которой описано у Страбона; греки «соединили ее со своей Дианой под именем Дианы Таврической». Последнюю точку в идентификации богини, по мнению французского путешественника, поставил Геродот: «таврская богиня и есть Ифигения» [293, с. 222].

Поиски храма, посвященного богине Партенос (Деве, Диане, Артемиде, Орсилохии, Тавр), верховной покровительнице и сакральной защитнице Херсонеса, продолжаются не одно столетие; исследователи не пришли к единому мнению относительно времени возникновения культа Партенос, а также характера и способа его отправления в среде херсонеситов, ученые задаются вопросами об особенностях местной религиозно-колониционной практики, о порядке выделения храмовых земель, о трансформации культа после появления трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». Пожалуй, нет в Крыму другого объекта, который бы так старательно искали и так долго не могли обнаружить. Многолетние поиски, анализ сообщений древних авторов (Геродота, Еврипида, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего), наблюдения за береговой линией – все это значительно приблизило, но пока еще не привело ученых к разгадке.

Современные исследователи не изменяют этой традиции и продолжают обращаться к «Географии» Страбона за сведениями. А. С. Русяева при характеристике проблемы локализации мыса Партений и храма богини Партенос приводит гипотезы и доказательства известных ученых (В. Латышева, С. Жебелева, Г. Стратановского, М. Скржинской, А. Подосинова, а также В. Зубаря, А. Щеглова, Г. М. Николаенко), анализирует интерпретации пассажа Страбона каждым из рассмотренных ею ученых и, что более важно, сравнивает толкования между собой. Согласно выводам исследовательницы, ученые помещали храм Партенос в нескольких местах: в самом городе Херсонес (версия В. Латышева и поддержавших его М. и А. Русяевых; теория М. Золотарева и А. Буйских); за пределами города – на м. Фиолент (М. Скржинская (хотя исследовательница поддерживала в ранних работах и В. Латышева, и А. Щеглова), Г. Николаенко); на м. Айя-Бурун; на м. Херсонесском, или Фанари (З. Аркас, К. Косцюшко-Валюжинич, А. Щеглов); была также теория, что мыс Партений у Страбона и мыс жертвоприношений, описанный у Геродота и Еврипида, – суть один и тот же

памятник (С. Жебелев). Не в силах разрешить сложившуюся дилемму, отдельная группа ученых стала склоняться к мысли, что святилищ Партенос было несколько – на горе Аю-Даг, в Херсонесе и на м. Фиолент (Ф. Кене). Сама же А. Русяева пришла к выводу, что опираться исключительно на свидетельства Страбона современным исследователям не подобает: достоверность сведений географа не может быть абсолютной – возможно, что расстояние в 100 стадий между Херсонесом и священным мысом было приблизительным или искусственно введенным в текст сообщения Страбона; интерпретировать отдельные части из его рассказа можно по-разному, да и весь пассаж – не более чем заимствования из перипла Артемидора Эфесского. В итоге рождается совершенно иная точка зрения, сформулированная М. Скржинской: в Таврике существовало два храма богини Парфенос – один стоял в Херсонесе, а второй, на мысу за пределами города, якобы был порождением мифотворчества Еврипида, который заимствовал для своего рассказа Страбон. Для решения этого вопроса, несомненно, на помощь должна прийти археология – надежду на это высказывал В. М. Зубарь. По мнению ученого, наиболее вероятным местом расположения храма Парфенос был южный мыс Гераклеяского полуострова в верховьях Мраморной балки, где в 1834 г. остатки четырехугольного сооружения видел Ф. Дюбуа де Монпере. Наиболее весомым аргументом в пользу этой теории исследователь считает наличие в этом районе следов древнейшей размежевки земли, на которые указывала также Г. М. Николаенко. К тому же такое расположение сакрального участка со статуей Партенос хорошо согласуется с практикой расположения на границах территории ранних греческих городов-государств святилищ и храмов, что служило основанием считать близлежащие территории частью владений полиса [294, с. 57–60; 295, с. 30–31].

Большинство путешественников склонялось к мысли о том, что наиболее вероятным местом расположения храма был мыс, на котором стоит монастырь св. Георгия. Преемственность священного начала, переход от древних культов к христианским выражались в единстве сакральной территории. Непрерывное использование одного и того же мыса как язычниками, так и христианскими монахами имело, по мнению исследователей, смысл. Поэтому часто в работах авторов звучит идея о том, что монастырь св. Георгия стоит на Священном мысу, где раньше был храм Девы.

Мыс Парфенион и мыс Фиоренте – это греческое и генуэзское названия одного и того же места, где находился храм Таврополианской Дианы. А. Н. Демидов именно так описывал это место, расположенное в непосредственной близости от монастыря св. Георгия.

У. Джесс, который наблюдал мыс с монастырем св. Георгия с борта своего корабля, полагал, как и А. Н. Демидов, что монастырь стоит не на точном месте языческого капища, а в непосредственной близости, так что он через подзорную трубу одновременно мог видеть и монастырь, и мыс под ним, где стоял храм

Девы [296, р.76]. Также описывает это место Ч. Б. Эллиот: Георгиевский монастырь стоит на древнем мысе Парфениум, расстояние до которого он оценивает в 12 верст от Херсонеса, а ниже на скале стоял храм Дианы Таврической; здесь же автор называет «Девичью скалу», названную так в честь жрицы Ифигении [262, р. 333–334]. Маршал Мармон, герцог Рагузский описывал в своем труде только два места в Юго-Западном Крыму – Херсонес и Парфенон, который располагался в непосредственной близости от Херсонеса, на том самом месте, где теперь стоит греческий монастырь св. Георгия, а раньше стоял храм Дианы, где в жертву приносились люди. В. В. Пассек в кратком пассаже о крымских древностях поддерживает мысль предшествующих ученых о том, что мыс, на котором находили остатки храма в честь Дианы, располагался подле Георгиевского монастыря, и здесь же было место жертвоприношений кровожадной богине [258, с. 159–160]. На подъезде к монастырю св. Георгия холм с грудой камней, якобы основанием алтаря, видел В. Броневский.

В отличие от Ч. Эллиота и У. Джесса, К. Кох, как и Ж. Ф. Гамба, был уверен, что варвары, населявшие Тавриду, отправляли свои культы в храме Дианы, располагавшемся именно здесь, на том самом месте, где теперь стоит монастырь, а не в окрестностях. Мыс Девы Парфениум выступал в море в направлении Херсонеса, там стоял храм, где все чужеземцы приносились в жертву главной богине, которую К. Кох называет Теосом (Theos). Также рассуждали В. В. Измайлов и Дж. М. Джонс: храм Дианы Таврической был на месте монастыря св. Георгия.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют осведомленность К. Коха в вопросах крымской истории. Ссылаясь на своих предшественников (П. С. Паллас, Ф. Дюбуа де Монпере), автор с ними не полемизирует, а высказывает вполне традиционные версии относительно ключевых проблем. Вопросов, поднимаемых автором на страницах его сочинения, гораздо больше. Мы же остановились на основных, под решением которых до сих пор не подведена черта.

Вторая четверть XIX в. ознаменовалась повышенным интересом со стороны европейских держав к Крыму, что было связано не столько с его природным или экономическим потенциалом, сколько со стратегическим значением. Однако оставались исследователи, которые отправлялись в путешествия с определенными научными целями; к ним относится и Карл Кох. Во время своего вояжа автор собирал всякого рода информацию – биологический материал, этнографические и статистические данные, описания предметов древности. Знакомство с крымским историческим наследием проходило по привычному для путешественников маршруту – из Керченского полуострова через центральные регионы на юго-запад. Боспорские города, курганы, древняя столица Крыма – вот те объекты, которые особенно привлекли внимание немецкого исследователя. Не обошел он вниманием и юго-западный регион со знаменитым Херсонесом. В целом заметки Карла Коха не претендуют на универсальность, но все же существенно пополняют копилку знаний о Крыме. Поэтому в ближайших целях

исследователей – перевести весь текст сочинения немецкого автора, дабы ввести в научный оборот бесценное и обстоятельное произведение, которое, возможно, позволит уточнить некоторые вопросы крымской истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуков Г.В.* Чье имя ты носишь, растение? Сто пятьдесят кратких биографий: из истории ботанических исследований на Дальнем Востоке. Владивосток, 2001.
2. *Koch K.* Die Krim und Odessa. Reise erinnerungen aus dem tagebuche des professor Dr. Karl Koch. Leipzig, 1854.
3. *Koch C.* The Crimea and Odessa. Journal of a tour, with an account of the climate and vegetation by Dr. Charles Koch / Transl. by Joanna B. Horner. London, 1855.
4. *Koch K.* Wanderungen im Oriente, während der Jahre 1843 und 1844: in 3 bänden. Weimar, 1846–1847.
5. *Мушегян А.* Личность Хачатура Абовяна в немецкой литературе // Хачатур Абовян: проблемы творчества и литературных связей. Ереван, 1987.
6. *Wimmer C.A.* Karl Koch's Berliner Jahre (1847–1879) // Zandera – 19. 2004. Nr. 1.
7. *Koch K.* Die Krim und Odessa. Reise erinnerungen aus dem tagebuche des professor Dr. Karl Koch: in 2 bänden. Leipzig, 1865.
8. *Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок: 1827–1927 гг. Исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927.
9. *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 1959. Вып. 5.
10. *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе: крестообразный храм – крещальня – крепостная ограда // ИАК. СПб., 1907. Т. 21.
11. *Бертье-Делагард А.Л.* Раскопки предполагаемого местонахождения древнего Херсонеса // МАР. 1893. №12.
12. *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55.
13. *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14.
14. *Маркевич А.И.* Островок в Казачьей бухте, как предполагаемое место кончины св. Климента, папы римскаго // ИТУАК. 1909. № 43.
15. *Стржелецкий С.Ф.* История изучения памятников античного земледелия Гераклейского полуострова // ХСб. 1961. Вып. 6.
16. *Щеглов А.Н.* «Старый» Херсонес Страбона: укрепление на перешейке Маячного полуострова // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
17. *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. 1.
18. *Боровкова В.Н.* Коллекционеры и торговцы Керченскими древностями. Керчь, 1999.
19. *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
20. *Зубарь В.М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги изучения. К., 2007.
21. *Гордеева Т.Г.* Греки Крыма глазами путешественников конца XVIII–XIX веков // Пилигримы Крыма – 97. Мат. междунар. науч. конф. (Алупка, 16–18 мая 1997 г.). Симферополь, 1997.

22. *Кизилов М.* Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011.
23. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб., 2002.
24. *Шаманаев А.В.* Охранные работы Одесского общества истории и древностей на Херсонесском городище (40–80 гг. XIX в.) // АДСВ. 2005. Вып. 36.
25. *Формозов А.А.* Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975. № 4.
26. Пилигримы Крыма – 1998: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Мат. межд. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 1998.
27. Пилигримы Крыма – осень 1998: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Мат. межд. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 1999.
28. Пилигримы Крыма – осень 1999: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Мат. IV межд. науч.-практ. конф.: в 2 т. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 2000.
29. Пилигримы Крыма – осень 2000: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Мат. V межд. науч.-практ. конф.: в 2 т. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 2001.
30. Пилигримы Крыма: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Сб. науч. ст. и мат.: в 3 вып. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 2003.
31. *Кауулиів Г.С.* Античні пам'ятки Тавриди у вітчизняній подорожній літературі (кінець XVIII – перша третина XIX ст.) // Праці Центру пам'яткознавства. Зб. наук. праць. К., 2011. Вип. 20.
32. [С. Р.] *Кох* // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 16.
33. *Koch K.* Das natürliche System des Pflanzenreiches nachgewiesen in der Flora von Jena. Jena, 1839.
34. *Koch K.* Beiträge zu einer Flora des Orients. Halle, 1848–1851.
35. *Koch K.* Hortus dendrologicus. Berlin, 1853.
36. *Koch K.* Die Botanischen gärten: ein wort zur zeit. Berlin, 1860.
37. *Koch T.* Karl Heinrich Emil Koch. Berlin, 1879.
38. *Wunschmann E.* Koch Karl // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1882. Vol. 16.
39. *Кичунов Н.И.* Наши плодовые деревья: по К. Коху. СПб., 1904.
40. Флора СССР / Под. ред. Б. К. Шишкина, Е. Г. Боброва. М.; Л., 1949. Т. 14.
41. *Рытов М.В.* Русские яблоки. М., 1960.
42. *Овсянников В.Ф.* Лекции по дендрологии. Ч. 1: Хвойные породы. Владивосток, 1924.
43. *Циновскис Р.* Что такое *Crataegus pectinata Bosc?* // Ботанические сады Прибалтики. Рига, 1971.
44. *Кох К.* Воздушные плодовые деревья // Вестник Российского общества садоводов. 1877. № 5.
45. *Кох К.* Исторические сведения о садоводстве и садовых насаждениях // Вестник Императорского Российского общества садоводства. 1876. № 1–12.
46. *Нальчикова Е.* Генезис феномена «добровольной смерти»: миф и традиция // Власть. 2007. №8.
47. *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли в 1836, 1837 и 1838 гг. / Пер. с

- нем. А. И. Петрова // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
48. *Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994.
 49. *Леснов П.А.* На берегах Алазании. М., 1980.
 50. *Чунтыжсева Т.Я.* Свадебно-обрядовая культура причерноморских адыгов как этнопедагогическая ценность. Майкоп, 1998.
 51. *Мушегян А.* Личность Хачатура Абовяна в немецкой литературе // Хачатур Абовян: проблемы творчества и литературных связей. Ереван, 1987.
 52. *Деремедведь Е.Н.* Английская литература путешествий XVIII–XX вв. о Крыме: реализация процесса коммуникации // Культура народов Причерноморья. 2004. № 49.
 53. *Деремедведь О.М.* Жанрові особливості англійської жіночої літератури мандрів кінця XVIII – першої половини XIX століття (на матеріалі творів про Крим): Автореф. дис. ... канд. філолог. наук. Сімферополь, 2008.
 54. *Деремедведь Е.Н.* Крымская Ривьера: авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь, 2008.
 55. *Деремедведь Е.Н.* Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла // Культура народов Причерноморья. 2002. № 43.
 56. *Храпунов Н.И.* Крым в описаниях Реджинальда Хербера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
 57. *Храпунов Н.И.* Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
 58. *Колесникова Н.Н.* Забытое свидетельство о Крыме: путешествие Роберта Лайелла. Год 1822-й // Крымский альбом 2002. М.; Феодосия, 2003
 59. *Колупаев Д.* Путешествие леди Кравен // Таврика. Симферополь, 1998.
 60. *Мальгин А.В.* Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи (конец XVIII – начало XX вв.). Симферополь, 2006.
 61. *Непомнящий А.А.* Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму // Туристично-краєзнавчі дослідження. К., 1998. Вип. 1: Матер. III Всеукр. наук.-практ. конф. «Туризм в Україні: економіка та культура». Ч. 2.
 62. *Иванов В.Б.* Балаклава. 2500 лет: от Одиссея и Дианы до наших дней: ист. летопись. Севастополь, 2010.
 63. *Галиченко А.А.* К 200-летию со дня рождения садовника Карла Кебаха: материалы к биографии // Россия и Крым в судьбе Воронцовых. Мат. II Крымск. Воронцовских чт. (Крым, Алушка, Воронцовский дворец, 18–19 октября 1999 г.). Симферополь, 2000.
 64. *Долгополова Л.А.* О следах германской культуры в крыму // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 11.
 65. *Сидорченко Л.В.* Английская литература // История зарубежной литературы XVIII в. М., 2001.
 66. *А.А. [Аникст А.]* Стерн // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1939. Т. 11.
 67. *Михайлов В.М.* Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
 68. *Шадрин М.Г.* Эволюция языка «путешествий»: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2003.
 69. *R S. [Шор Р.]* Путешествие // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1935. Т. 9.

70. *Дынин М.А.* Путешествие // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л., 1925. Т. 2.
71. Как пишутся путешествия? // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод / Пер. с англ. Т. 5. СПб., 1834. Отд. II.
72. *Геннади Г.Н.* Список сочинений о Крыме // ЗООИД. 1867. Т. VI.
73. *Леонтьев П.М.* Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // ПроPILEI. Кн. 1. М., 1856. Отд. 2.
74. *Бертье-Делагард А.Л.* Память о Пушкине в Гурзуфе // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Вып. 17/18.
75. *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
76. *Веселовский Н.И.* Посольство в Хиву Ивана Матвеева Федотьева и его статейный список пребывания в Хиве 1663–1670 г. // Туркестанские ведомости. 1882. № 20.
77. *Веселовский Н.И.* Русские невольники в среднеазиатских ханствах. Ташкент, 1888.
78. *Веселовский Н.И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // ЖМНП. 1884. № 7.
79. *Маркевич А.И.* TAURICA: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще: в 3 вып. // ИТУАК. 1894. № 20; 1898. № 28; 1902. № 32/33.
80. *Маркевич А.И.* TAURICA: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Вып. 1. // ИТУАК. 1894. № 20.
81. *Берг Л.С.* Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 года). Л., 1929.
82. *Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1946.
83. *Берг Л.С.* Всесоюзное Географическое общество за 100 лет: 1845–1945. М.; Л., 1946.
84. *Князев Г.А.* Краткий очерк истории Академии наук СССР: 1725–1945. М.; Л., 1945.
85. *Райнов Т.И.* Великие ученые Узбекистана (IX–XI вв.). Ташкент, 1943.
86. *Шебунин А.Н.* Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926.
87. *Александровская О.А.* Становление географической науки в России в XVIII веке. М., 1989.
88. *Александровская О.А.* Ломоносов и академические экспедиции XVIII века: альбом. М., 2011.
89. *Андреев А.И.* Труды русских географов и путешественников XVII–XVIII вв. по изучению Украины и украинского народа // Известия Всесоюзного географического общества. 1954. Т. 86. Вып. 2.
90. *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов // Труды Архива АН СССР. М.; Л., 1940. Вып. 4.
91. *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946.
92. *Кулябко Е.С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.
93. *Лебедев Д.М.* География в России XVII века (допетровской эпохи): очерки по истории географических знаний. М.; Л., 1949.
94. *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.). М.; Л., 1957.
95. *Лебедев Д.М.* Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971.

96. *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XV и XVI вв. М., 1956.
97. *Муравьев В.Б.* Вехи забытых путей. М., 1961.
98. *Муравьев В.Б.* Дорогами российских провинций: путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977.
99. *Окрокверцхова И.А.* Путешествия Палласа по России. Саратов, 1962.
100. *Пузанов И.И.* Основоположники русской зоогеографии (Н.А. Северцов – М. А. Мензбир – П. П. Сушкин) // Труды Сопещения по истории естествознания. М.; Л., 1948.
101. *Степанов Н.Н.* Творческий путь С. П. Крашенинникова: С. П. Крашенинников в Сибири: неопубликованные материалы. М.; Л., 1966.
102. *Фрадкин Н.Г.* Очерки по истории физико-географических исследований территории СССР (1917–1927 гг.). М., 1961.
103. *Фрадкин Н.Г.* Географические открытия, их объекты и характер на разных этапах научного познания Земли // Известия АН СССР. М., 1968, № 1.
104. *Греков В.И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.
105. *Ковальский Н.П., Мыцык Ю.А.* Анализ архивных источников по истории Украины XVI–XVII вв. Днепропетровск, 1984.
106. *Воронов В.И.* Джерелознавство історії України: курс лекцій. Дніпропетровськ, 2003.
107. Історичне джерелознавство / Я. С. Калакура, І. Н. Войцехівська, С. Ф. Павлієнко та ін. К., 2002.
108. *Непомнящий А.А.* Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). К., 1999.
109. *Непомнящий А.А.* Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // Крымский архив. 1999. Вып. 4.
110. *Непомнящий А.А.* Иностранцы путешественники о колонизации Крыма в конце XVIII – XIX веке // Заселення Півдня України: проблеми національного та культурного розвитку. Міжн. наук.-метод. конф. Херсон, 1997. Ч. 1.
111. *Непомнящий А.А.* Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): біобібліографічне дослідження. Сімферополь, 2003.
112. *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века). Симферополь, 2001.
113. *Непомнящий А.А.* К вопросу о начале научного изучения Крыма: экспедиция В.Ф. Зуева // Пилигримы Крыма–98: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Межд. науч. конф. Симферополь, 1998.
114. *Непомнящий А.А.* Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму // Туристично-краєзнавчі дослідження. К., 1998. Вип. 1. Матер. III Всеукр. наук.-практ. конф. «Туризм в Україні: економіка та культура». Ч. 2.
115. *Громенко С.В.* Stepu, morze i góru: польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме. Симферополь, 2011.
116. *Громенко С.В.* Михаил Семенович Воронцов в воспоминаниях польских путешественников по Крыму в XIX веке // Воронцовы и русское дворянство. X Крымские межд. Воронцовские чт. Симферополь, 2008.
117. *Громенко С.В.* Польські мандрівники в Криму у XIX столітті : географія подорожей // Історичний архів: наук. студії. 2009. № 3.

118. *Громенко С.В.* Адам Сераковський – польський мандрівник по Криму та його подорожні листи // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: исторические науки. 2010. Т. 23(62), № 1.
119. Французы в Крыму / Ред.-сост. Ж. С. Амфитеатрова. Симферополь, 2004.
120. *Герардини О.Н.* Описание Судака в записках Гутри М. (перевод писем) // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма. Матер. II науч. конф. Новый Свет, 2009.
121. *Герардини О.Н.* О путешествии по Крыму, Турции и Египту Джеймса Вебстера (Лондон, 1830) // Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком. Матер. XIII Крым. межд. Воронцовских науч. чт. Симферополь, 2012.
122. *Лайелл Р.* Симферополь и его окрестности: из книги «Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии» (1825) / Пер. с англ., прим. О. Корчевой // Крымский альбом 2002. М.; Феодосия, 2003.
123. *Каушлив Г.С.* Мандрівництво в історико-краєзнавчому дослідженні Криму: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса, 2012.
124. *Каушлив Г.С.* Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма. Конец XVIII – начало XIX века // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: исторические науки. 2010. Т. 23(62). № 1.
125. *Каушлив Г.С.* До історії пам'ятокзнавчих розвідок мандрівників у Криму наприкінці XVIII – в першій половині XIX століття // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: исторические науки. 2011. Т. 24(63). № 2.
126. *Куприянов П.С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. №1/2.
127. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866.
128. Записки иностранцев о России в XVIII столетии / Пер. с франц., ред. и прим. С.Н. Шубинского. СПб., 1874.
129. *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891.
130. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1/2.
131. *Медушевская О.М.* Становление и развитие источниковедения // Источниковедение: история, теория, метод, источники российской истории: уч. пос. для гуманитарных специальностей. М., 1998.
132. *Никитин С.А.* Источниковедение истории СССР XIX в.: до начала 90-х годов. Курс источниковедения истории СССР: в 2 т. М., 1940. Т. 2.
133. *Дашкевич Я.Р.* Бібліографічна Бопланіана // Боплан і Україна: зб. наук. пр. Львів, 1998.
134. *Дашкевич Я.Р.* Українська Бопланіана // Боплан Г. Л. де. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансильванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведення воєн / Пер. з фр. Я. І. Кравця, З. П. Борисюка. К., 1990.
135. *Никифоренко Н.О.* Мандрівні записки Й. А. Гільденштедта як джерело з соціально-економічної історії України другої половини XVIII ст.: Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Донецьк, 2000.
136. *Никифоренко Н.О.* Щоденник подорожі Й. А. Гільденштедта Єлизаветградською провінцією (травень – липень 1774 р.) // Записки науково-дослідної лабораторії

- Південної України Запорізького держуніверситету: Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя, 1999. Вип. 4(5).
137. *Никифоренко Н.О.* Мандрівні записки Й. А. Гільденштедта як джерело з історії України другої половини XVIII ст.: історіографічний аспект // 36. наук. праць Науково-дослідного інституту українознавства. К., 2005. Т. 7.
 138. *Никифоренко Н.О.* Етнічні процеси в Україні другої половини XVIII ст. очима Й. А. Гільденштедта // Донецький вісник Наукового товариства ім. Шевченка. Донецьк, 2005. Т.8.
 139. *Никифоренко Н.О., Пірко В.О.* Північне Приазов'я наприкінці XVIII ст. (за мандрівними записками Й. А. Гільденштедта) // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. 1999. № 1.
 140. *Гедьо А.В.* Матеріали особового походження як інформативне джерело з історії іноземців Південної України // Література та культура Полісся. Ніжин, 2011. Вип. 64.
 141. *Катаєва-Мякинен Е.В.* Образ Испании: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1999.
 142. *Гуминский В.М.* Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
 143. *Гуминский В.М.* Открытие мира, или путешествия и странники. М., 1987.
 144. *Гуминский В.М.* Жанр путешествия в русской литературе и творческие искания Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.
 145. *Глушанина Н.И.* Проблема жанра утопии в контексте путевой литературы петровской эпохи («Архив, или статейный список») А. А. Матвеева // Поэтика жанра. Барнаул, 1995.
 146. *Дыдыкина О.А.* Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII – первой половины XIX века (от Карамзина до Гончарова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
 147. *Дыдыкина О.А.* Сентиментальные путешествия по Крыму П. Сумарокова и В. Измайлова // Пилигримы Крыма. Мат. IV Крымских Шмелевских чт. (Ялта, 10–18 ноября 1995 г.). Симферополь, 1995.
 148. *Дыдыкина О.А.* Текстовые образования, связанные с эпистолярной коммуникацией, в русских литературных путешествиях // *Hermeneutics in Russia*. 1998. Vol. 2.
 149. *Проценко-Яхеева Е.Г.* Традиции русской художественной прозы в жанре «путешествий» 40-х годов XIX в. // Из истории русской и зарубежной литературы. Чебоксары, 1995.
 150. *Яхеева Е.Г.* Роль эпистолярной формы в жанровой структуре «путешествий» в русской литературе 40-х годов XIX в. Орджоникидзе, 1989.
 151. *Яхеева Е.Г.* Мотив встречи в структуре жанра «путешествий» в русской литературе 40-х годов XIX века. Владикавказ, 1993.
 152. *Юркина О.В.* Жанровые нормы «путешествия» и идиостиль писателя: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
 153. *Травников С.Н.* Путевые записки петровского времени: проблема историзма. М., 1987.
 154. *Травников С.Н.* Писатели петровского времени: литературно-эстетические взгляды: путевые записки. М., 1989.

155. *Травников С.Н.* Динамика повествования и активность героев в русских барочных «хождениях» начала XVIII века (на материале произведения Иоанна Лукьянова) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: метод и жанр. Л., 1985.
156. *Травников С.Н.* Особенности морского пейзажа в путевых записках конца XVII – начала XVIII века // Литература Древней Руси. М., 1986.
157. *Травников С.Н.* Поэтика художественного пространства в путевой литературе конца XVII – начала XVIII века // Поэтика жанров русской и советской литературы. Вологда, 1988.
158. *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.
159. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.
160. *Лотман Ю.М.* К вопросу об историко-литературном значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение литератур. Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., 1976.
161. *Лотман Ю.М.* К семиотике зеркала и зеркальности // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. [Т.] 22: Зеркало: семиотика зеркальности. 1988. Вып. 831.
162. *Лотман Ю.М.* Колумб русской истории // Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1988. Кн. 4.
163. *Данилов В.В.* О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18.
164. *Лихачев Д.С.* Великий путь: становление русской литературы XI–XVII веков. М., 1987.
165. *Решетова А.А.* Древнерусская паломническая литература XVI–XVII вв.: история развития и жанровое своеобразие: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2006.
166. *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий: 1790–1840 / Пер. с англ. Д. Соловьева. СПб., 2004.
167. *Шенле А.* Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад // Новое литературное обозрение. 2009. № 1.
168. *Шенле А.* Между «древней» и «новой» Россией: руины у раннего Карамзина как место «modernity» // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
169. *Атарова К.Н.* Стерн и европейский роман первой четверти XX в. // Писатель и жизнь. М., 1987.
170. *Гречаная Е.П.* Литературное взаимодействие Франции и России и культурное самоопределение: конец XVIII – первая четверть XIX вв.: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2003.
171. *Иванова Н.В.* Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
172. *Мотрук В.* Жанр подорожей у французькій літературі // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: філологія. 2009. Вип. 21.
173. *Каратсева Г.М.* Текстовий концепт подорож у французькій постмодерністській прозі (на матеріалі творів Ле Клезіо): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. К., 2008.
174. *Чорноус С.С.* Україніка у творчості Ю. І. Крашевського // «Українська школа» в літературі та культурі українсько-польського пограниччя. К., 2006. Т. 7.
175. *Чорноус С.С.* Жанрова своєрідність подорожей Юзефа Ігнація Крашевського // Вісник Житомирського нац. ун-ту. Житомир, 2010. Вип. 49.

176. *Чорноус С.С.* Модифікація жанру подорожі у творчості Юзефа Ігнація Крашевського: Дис. ... канд. філол. наук. К., 2010.
177. *Дынин В.* Дневник // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2-х т. М.; Л., 1925. Т. 1.
178. *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964.
179. *Алексеев М.П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985.
180. *Cadot M.* L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). Paris, 1967.
181. *Орехов В.В.* Русская литература и национальный имидж: имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в. Симферополь, 2006.
182. *Елистратов В.С.* Россия как миф: к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом // Россия и Запад: диалог культур. М., 1992. Вып. 1.
183. *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона». Россия в общественной мысли Британии: вторая половина XIX – начало XX вв.: очерки. Архангельск, 1994.
184. *Зашихин А.Н.* Британская Россия второй половины XIX – начала XX века // Россия и Запад: диалог культур. Мат. 2-й межд. конф. 1995 г. М., 1996. Вып. 2.
185. *Карацуба И.В.* Россия последней трети XVIII – начала XIX века в восприятии английских современников: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
186. *Чугров С.В.* Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. М., 1993.
187. *Чугров С.В.* Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1.
188. *Партаненко Т.В.* Образ России во Франции XV–XX вв.: по материалам мемуарных и дневниковых свидетельств: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2001.
189. *Королева О.В.* Восточный город в восприятии английских путешественников в конце XVI – первой трети XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.
190. *Наливайко Д.С.* Літературознавча імагологія: предмет і стратегії // Літературна компаративістика. К., 2005. Вип. 1.
191. *Наливайко Д.С.* Очима Заходу: рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. К., 2008.
192. *Орехов В.В.* Реконструкция национального имиджа как поведенческая и литературная тактика // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 67.
193. *Орехов В.В.* Російська література та імагологічний дискурс у російсько-французькому діалозі першої половини XIX століття: Дис. ... канд. іст. наук. К., 2008.
194. *Орехов В.В.* Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь, 2008.
195. *Орехов В.В.* Миф про Росію у французькій літературі першої половини XIX століття: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. К., 2001.
196. *Люсый А.П.* «Крымский текст» русской культуры и проблема мифологического контекста: Дис. ... канд. культурол. М., 2003.
197. *Люсый А.П.* «Крымский текст» русской культуры. СПб., 2003.
198. *Люсый А.П.* Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М., 2007.
199. *Люсый А.П.* Пушкин. Таврида. Киммерия. М., 2000.
200. *Люсый А.П.* Первый поэт Тавриды. Симферополь, 1991.
201. *Люсый А.П.* Бродит по Тавриде «Крымская идея»: опыт историко-философского авангардизма // Крымский контекст. 1994. № 1.

202. *Люсый А.П.* Пушкин из-за Перекопа: геопозэты и тавриологи // Новое литературное обозрение. 1996. № 17.
203. *Люсый А.П.* У Таврии в плену: русская Муза на берегах Тавриды // Грани. 2000. № 194.
204. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.
205. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М., 1995.
206. *Алексеев В.М.* Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820–1830-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.
207. *Буркхарт Д.* Путешествия Осипа Манделъштама в Крым: поэтическая медиализация // Беглые взгляды: новое прочтение русских травелогов первой трети XX в. М., 2010.
208. *Люсый А.П.* Ошибочная медиализация: еще одна заявка на «Крымский текст»? // Вопросы культурологии. 2011. № 3.
209. *Замятин Д.Н.* Империя пространства: географические образы в романе А. Платонова «Чевенгур» // Вопросы философии. 1999. № 10.
210. *Замятин Д.Н.* Геополитика образов и структурирование метапространства // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2003. № 1.
211. *Замятин Д.Н.* Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2000. № 1.
212. *Замятин Д.Н.* Образы путешествий: социальное освоение пространства // Социологические исследования: ежемес. науч. и общ.-политич. журн. 2002. № 2.
213. *Замятин Д.Н.* Власть пространства: от образов географического пространства к географическим образам // Вопросы философии. 2001. № 9.
214. *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Человек: илл. науч.-попул. журн. 2001. № 3.
215. *Замятин Д.Н.* Пространство как образ и трансакция: к становлению геоники // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2007. № 1.
216. *Замятин Д.Н.* Образный империализм // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2008. № 5.
217. *Замятин Д.Н.* Феномен паломничества: географические образы и экзистенциальное пространство // Человек: илл. науч.-попул. 2009. № 4.
218. *Замятин Д.Н.* Геократия: Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2009. № 1.
219. *Кордт В.О.* Чужоземні подорожі по Східній Європі до 1700 р. // Збірник історично-філологічного відділу ВУАН. К., 1926. № 38.
220. *Січинський В.* Чужинці про Україну. Львів, 1991.
221. *Вінтоняк О.* Україна в описах західноєвропейських подорожників другої половини XVIII ст. Львів; Мюнхен, 1995.
222. *Наливайко Д.С.* Рецепція України в Італії середини XVII ст. // Україна XVII ст. між Заходом та Сходом Європи. Мат. I українсько-італійського симпозиуму (13–16 вересня 1994 р.). К.; Венеція, 1996.
223. *Наливайко Д.С.* Доминанты национальных культур и межнациональные литературные общения // Известия АН СРСР. Сер.: лит.-ра и язык. 1990. Т. 49. № 2.

224. *Наливайко Д.С.* Рецепція України в Західній Європі XVI–XVIII ст. // Сучасність. 1993. № 2.
225. *Брицький П.П.* Україна та український народ у поглядах англійських учених-мандрівників (XVIII–XIX ст.) // Україна – Європа – Світ. Міжн. зб. наук. праць на пошану проф. М. М. Алексієвця. 2011. Вип. 5. Ч. 2.
226. *Брицький П.П., Бочан П.О.* Німці, французи і англійці про Україну та український народ у XVII–XIX століттях. Чернівці, 2011.
227. *Варварцев М.М.* Україна в оцінках і свідченнях Заходу: французькі інтерпретації першої половини XIX ст. // Вісник НАНУ. 1996. №3/4.
228. *Сергійчук В. [I.]* «Здесь русского населения почти совсем нет» // Сергійчук В. [I.] Український Крим, 2001.
229. *Vochan P.O.* Unified communications with Adobe Connect // Наукові записки. Серія: Філологічна. Острог, 2012. Вип. 30.
230. *Бочан П.О.* Інтерпретація тексту. Чернівці, 2010.
231. *Бочан П.О.* Іноземні джерела про історію України // Питання історії України. Чернівці, 2010.
232. *Бочан П.О.* Історія та етнографія України у щоденникових записах німецького вченого-мандрівника Йогана Коля // Науковий вісник Чернівецького університету: історія, політичні науки, міжнародні відносини. Чернівці, 2010. Вип. 514/515.
233. *Бочан П.О.* Німецький професор про Україну в середині XIX століття // Пам'ять століть. К., 2007. №4/5.
234. *Бочан П.О.* Історія України у працях французьких авторів XVII–XIX ст. // Питання історії України. Чернівці, 2005. Т. 8.
235. *Бочан П.О.* Історичні відомості про етнографію Буковини та Галичини у щоденнику німецького мандрівника Йоганна Георга Коля // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Чернівці, 2004. Т. 1(17).
236. *Зайцев И.В.* Табак и курение в Крыму (XVI–XVIII вв.) // История и современность. 2011. № 2(14).
237. *Громько А.А.* Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки. М., 2008.
238. *Koch K.* Die Krim und Odessa. Reise-Erinnerungen aus dem Tagebuche. Bibliolife, 2008.
239. *Grant A.* An historical sketch of the Crimea. London, 1855.
240. *[Neilson A., mrs.]* The Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma. London; Edinburgh, 1855.
241. The Crimea and Odessa... // The Edinburgh review, or critical journal: for July, 1855 ... October, 1855. Edinburgh, 1855. Vol. 102.
242. *Bland H.* A Reply to the Rev. Dr. Cumming's Lectures on «the End of the World» with a Slight Glance at his «Apocalyptic Sketches» / By H. Bland. Glasgow – Edinburgh – Dublin, 1855 // Church of England quarterly review: a journal of theology, art, science and literature for the united church of England and Ireland. London, 1855. Vol. 38.
243. *Петров М.А.* Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота. Л., 1927.
244. *Тарле Е.В.* Крымская война: в 2 т. М.; Л., 1941–1944.
245. *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы (1848–1890). СПб., 1891.
246. *Андреевский И.* Путешествие Бруннера через Одессу и Крым // Библиотека для чтения. 1836. Т. 18.

247. Письма леди Рондо, жены английского резидента, при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны / Предисл. К. Бестужева-Рюмина. СПб., 1874.
248. Катюшин Е.А., Крыжицкий С.Д., Кутайсов В.А. Античные памятники Крыма. К., 2004.
249. Люсьи А. К пейзажам русского Вертера: из истории крымского путеводителя // Таврика: 125 лет основания краеведческой библиотеки Крыма. Симферополь, 1998.
250. Непомнящий А.А. К вопросу о начале научного изучения Крыма: экспедиция В. Ф. Зуева // Пилигримы Крыма–98: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Межд. науч. конф. Симферополь, 1998.
251. Юргевич В. Об археологических разысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. XIV. Отд. 1.
252. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства / Пер. с нем.; Отв. ред. Б. В. Левшин. М., 1999.
253. Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005.
254. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.
255. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
256. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
257. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.М. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
258. Пассек В.В. Отрывки из путешествия по Крыму // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. СПб., 1838. Кн. I.
259. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия. Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь, 2011.
260. Броневский В. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 году. Тула, 1822.
261. Gamba J.F. Voyage dans la Russie meridionale et particulierement dans les provinces au dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824 par le chevalier Gamba. Paris, 1826.
262. Elliot C.B. Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C. B. Elliot. London, 1838. Vol. I.
263. Свинын П.П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г. относительно археологии // Отечественные записки. СПб., 1826. Ч. 26.
264. Henderson E. Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus... London, 1826.
265. Кене Б.В. О Херсонесе (Севастополь) // ЖМНП. СПб., 1855. Т. 88.
266. Сумароков П.И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1.
267. Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823.
268. Шишкина О.П. Записки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. СПб., 1848. Ч. 2.
269. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire, pendant l'année 1803 par J. Reuilly. Paris, 1806.
270. Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М., 1853.
271. Гриневиц К.Э. Херсонес Таврический: история – руины – музей. Иллюстрированный путеводитель. Севастополь, 1928.
272. Коцевалов А.С. Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании. Мюнхен, 1955.

273. *Стржелецкий С.Ф.* Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
274. *Seymour H.D.* Russia on the Black Sea and Sea of Azof: being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces; with notices of the naval, military, and commercial resources of those countries. London, 1855.
275. *Тюменев А.И.* Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2(3).
276. *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его // ЗООИД. 1848. Т. II.
277. *Сестренцевич-Богуш С.* История о Таврии. СПб., 1806. Т. 1.
278. *Блаватский В.Д.* Северо-понтийские города в конце II–I вв. до н. э. // Вестник Московского университета. 1949. № 7.
279. *Белов Г.Д.* Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. Вып. 13.
280. *Зедгендзе А.А.* О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. Вып. 159.
281. *Зедгендзе А.А.* К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического // РА. 1993. № 3.
282. *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. 9.
283. *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы (1996–1997 гг.). М., 1999.
284. *Чурекова Н.Б.* К вопросу о времени основания Херсонеса Таврического // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2006. Вып. 3.
285. *Суриков И.Е.* О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып. 12.
286. *Буйских А.В.* Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая? // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12.
287. *Колесникова Н.Н.* Неизвестная рукопись статьи А. Л. Бертье-Делагарда: к 150-летию со дня рождения А. И. Маркевича // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9.
288. *Боннар А.* Одиссей и море // Боннар А. Греческая цивилизация. Ростов-на-Дону, 1994. Т. 1.
289. *Винчи Ф.* Гомер и Балтика: исследование по Гомеровской географии. Саранск, 2004.
290. *Шавшин В.Г.* Балаклава: исторические очерки. Симферополь, 1994.
291. *Асов А.И.* Поиски Восточной Атлантиды: к Гиперборее вслед за Одиссеем // Асов А.И. Атлантида и Древняя Русь. М., 2001.
292. *Капнист В.В.* Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях // Сын Отечества. СПб., 1819. Ч. 56. № 38.
293. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. / Пер. с фр. Т. Фадеевой. Симферополь, 2009. Т. 5–6.
294. *Зубарь В.М.* По поводу локализации святилища богини Партенос в окрестностях Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат. II междунар. науч. конф. К.; Судак, 2004.
295. *Николаенко Г.Н.* Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. 1999. № 1.
296. *Jesse W.* Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840. London, 1841. Vol. 1.

Прохорова Т. А.

**Карл Кох о Юго-Западном Крыме:
к вопросу об изучении полуострова во второй четверти XIX в.**

Резюме

Изучение прошлого невозможно без анализа свидетельств минувших эпох, особенно если это касается такого неоднозначного в этническом и культурном отношении региона, как Крым. Огромный блок мемуарной и путевой литературы о Крыме не изучен в полном объеме. Среди них – путевые записки Карла Коха, который посетил Южную Украину в 40-х гг. XIX в. Путешествие К. Коха относится к числу ученых поездок, которые регулярно совершались на полуостров с конца XVIII в. Все, чем интересовался немецкий ученый, нашло отражение на страницах его сочинения «Крым и Одесса»: природные ресурсы, полезные ископаемые, ландшафты, животный и растительный мир, геоморфология; пристальное внимание автор уделил истории края и его древностям. Кох проехал через Восточный, Южный и Центральный Крым, посетил Керчь, Феодосию, Карасубазар, Бахчисарай, Севастополь, Балаклаву, Никиту, Ялту, Магарац, Ливадию.

Юго-Западному Крыму посвящены две главы сочинения немецкого путешественника. Автор описал состояние Севастопольского порта и российского флота. В ходе экскурсии по окрестностям Севастополя Кох познакомился с Инкерманом, Балаклавой и руинами Херсонеса. Если о последнем он говорит кратко и отрывочно, то Инкерман и Балаклава описаны им весьма пространно. В Инкермане немецкий естествоиспытатель побывал на левом берегу реки Черная, осмотрел там пещеры, присоединился к мнению А. Н. Демидова и Ж. Рейи о том, что они служили в качестве культовых помещений для монахов. Своим «наставником» в путешествии по Крыму автор видел Ф. Дюбуа де Монпере, поэтому вслед за ним искал в Балаклаве бухту Лестригонов, а на месте монастыря св. Георгия – храм и святилище Дианы.

Прохорова Т. О.

**Карл Кох про Південно-Західний Крим:
до питання про вивчення півострова у другій чверті XIX ст.**

Резюме

Вивчення минулого неможливе без аналізу свідчень попередніх епох, особливо якщо це стосується такого неоднозначного в етнічному і культурному відношенні регіону, як Крим. Величезний блок мемуарної та дорожньої літератури про Крим досі не вивчено в повному обсязі. Серед них – дорожні записки Карла Коха, який відвідав Південну Україну на початку 40-х рр. XIX ст. Подорож К. Коха відноситься до вчених поїздок до Криму, які регулярно здійснювалися на півострів з кінця XVIII ст. Все, чим цікавився німецький вчений, знайшло відображення на сторінках його твору «Крим і Одеса»: природні ресурси, корисні копалини, ландшафти, тваринний і рослинний світ, геоморфологія; пильну увагу автор приділив історії краю та його старожитностей. Кох проїхав через Східний, Південний та Центральный Крим, відвідав Керч, Феодосію, Карасубазар, Бахчисарай, Севастополь, Балаклаву, Никиту, Ялту, Магарац, Ливадію.

Південно-Західному Криму присвячено два розділи твору німецького мандрівника.

Автор описав стан Севастопольського порту і російського флоту. Під час екскурсії по околицях Севастополя Кох познайомився з Інкерманом, Балаклавою і руїнами Херсонеса. Якщо про останній він говорить коротко і уривчасто, то Інкерман і Балаклава описані їм досить докладно. В Інкермані німецький натураліст побував на лівому березі річки Чорна, оглянув печери, приєднався до думки А. Н. Демидова і Ж. Рейї про те, що вони служили культовими приміщеннями для ченців. Своім «наставником» в подорожі по Криму автор бачив Ф. Дюбуа де Монпере, тому слідом за ним шукав у Балаклаві бухту Лестригонів, а на місці монастиря св. Георгія – храм і святилище Діани.

Prokhorova T. A.

Charles Koch on the South-Western Crimea: on the Problem of Studying the Crimean Peninsula in the Second Quarter of the 19th Century

Summary

The historical studies are impossible without the analysis of past epochs, especially if it comes to such ethnically and culturally controversial region as the Crimea. A huge block of memoir and travel literature about the Crimea has not been studied yet. Among them there are travel notes of Charles Koch, who visited Southern Ukraine in the middle 40s of the 19th century. C. Koch's travelling belongs to scientific trips to the Crimea that have been practiced since the end of the 18th century. All items that German scientist took interest in had been reflected on the pages of his book "The Crimea and Odessa". He described nature and resources, landscapes, flora and fauna, geomorphology. C. Koch paid some attention to the ancient history of the Crimea and its antiquities. Koch travelled in the Eastern, Southern and Central Crimea, Karasubasar, Bakhchisarai, Sevastopol, Balaklava, Nikita, Yalta, Magarach, Livadia.

Two chapters of Koch's work are devoted to the South-Western Crimea. He gave detailed description of Sevastopol port and Russian Navy. Also traveler made a tour in the vicinity of Sevastopol and got acquainted with Inkerman, Balaklava and Chersonese. The ruins of ancient city of Chersonese are described sketchy and briefly by him. C. Koch visited Inkerman, examined a cave city on the left bank of the Black River and joined to the opinion of A. Demidoff and J. Reuilly that they served as a religious accommodation for the monks. The German traveler considered F. Dubois de Montpereux to be his "mentor", that is why he supported his opinion about Bay of Læstrigonians in Balaklava and Diana Temple on the place of St. George monastery.

THE CRIMEA AND ODESSA:

JOURNAL OF A TOUR,

WITH AN ACCOUNT OF THE CLIMATE AND VEGETATION.

BY DR. CHARLES KOCH,

AUTHOR OF 'TRAVELS IN THE CAUCASUS.'

TRANSLATED BY

JOANNA B. HORNER.

Team Waggon of the Crimea.

WITH A MAP OF THE CRIMEA.

LONDON:

JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.

1855.

Рис. 1. Карл-Генрих Эмиль Кох.

Рис. 2. Титульная страница перевода книги Карла Коха на английский язык.